За Россию!

Не в силе Бог, а в правде — Александр Невский

ПОСЕВ

„POSSEV"

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland
Social and Political Review in Russian Language. Germany
Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne

Издательство и редакция: Limburg/Lahn. Verlag „Possev" Bankkonto: Limburger Bank V 14 Postschekkonto: Frankfurt/M 33.461 **Условия подписки в Германии:** 5 ном.—3 НМ, 10—6 НМ, 15—9 НМ и т д. **Условия приема объявлений:** 1/64 стр —7 НМ 1 32—13 НМ, 1/16—25 НМ, 1/8—50 НМ, 1/4—90 НМ 1 2—180 НМ, 1 стр.—360 НМ Розыски—20 пф. слово.

Еженедельник общественной и политической мысли

Выходит по воскресеньям.
Цена номера в розничной продаже 70 пфен.

V ГОД | **ВОСКРЕСЕНЬЕ, 31 ИЮЛЯ 1949 ГОДА** | **№ 31 (166)**

ПРАВДА И НАРОД

Н. Николаев

Те, кто представляет себе нашу борьбу, наше движение, как дело узко политического характера, глубоко ошибаются. Нас объединяют не параграфы устава, не партийная дисциплина — все это имеет в нашей жизни лишь второстепенное значение. Мы объединены духом и дух нашего движения сильнее форм его. Люди, органически понявшие нутро нашего движения, всегда верны своему делу, не зависят от внешних успехов или неудач нашего дела.

Сегодня мы технически слабы. У нас нет танков, самолетов, орудий, но у нас есть то, что сильнее всего этого — наша идеология, сила нашего духа.

Духовная скудость нашего века привела к катастрофам. Народы переживают кризис духа, и наше движение, — миссионерско-революционное, — направлено на борьбу с кризисом духа нашей российской нации. Мы предвидим время, когда золото, как мерило ценностей потеряет свое значение, — тогда идеи станут мерилом ценностей и регулятором человеческих отношений.

Но быть революционером — еще не все. Надо быть человеком с полноценно представленными душевными качествами. Революционер с большой душой — вот наш идеал. Скажем прямо — таких борцов у нас еще мало, но много стремящихся стать такими.

Только тогда наше движение победит, когда будет завоеван не только ум людей, но души их. Именно этого не учитывали и не учитывают те, кто строит свои теории на одних социальных догмах.

Наша идеология имеет чистую и здоровую основу. Именно в этом наша сила и нам незачем прибегать к блефу или мишуре.

Рутина повседневной будничной жизни заставляет забывать все это и мы делаем много ошибок, постепенно опускающих нас на дно обывательницы. Тогда у нас ослабляется идейность, слабеет чувство долга, формы нашего быта делаются для нас вопросом первостепенной важности. Чтобы быть выше этого надо постоянно совершенствоваться, проверять себя, свои поступки, задавать себе вопрос: все ли возможное делаю я для России, для своего народа, идю освобождения которого я ношу в себе?

Вместе с зарождением большевизма родилось и антиболшевистское движение. Оно прошло долгий, тяжелый, героический путь. До сих пор большевизм оказывался сильнее. Многие падают духом, теряют веру, слабеют в борьбе, сомневаются в победе.

Не верно!

Погибло много борцов. Но не погибло дело. Идея осталась.

Она не зависит от войн, побед и поражений народов и государств, потери территорий и материальных ценностей.

Дело освобождения России живет и будет жить, доколе жив российский народ.

И дело это будет доведено до конца, до победы, ибо правда и народ всегда побеждали и будут побеждать!

В номере:

Е. Р.
БЕРЛИНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Р. Редлих
СМЫСЛ СУЩЕСТВОВАНИЯ БОЛЬШЕВИЗМА

Григорий Климов
В БЕРЛИНСКОМ КРЕМЛЕ

МЫ ЗОВЕМ НА БОРЬБУ НЕ ВО ИМЯ МЕСТИ, НЕ РАДИ СВЕДЕНИЯ ЛИЧНЫХ СЧЕТОВ. МЫ БОРЕМСЯ ЗА ПРАВДУ, ЗА КУЛЬТУРУ, ЗА БУДУЩЕЕ РОССИИ,

за жизнь и честь народа,
за мирный труд,
за мир родным полям!

МЫ БОРЕМСЯ ЗА НОВУЮ, СВОБОДНУЮ, НАЦИОНАЛЬНО - ТРУДОВУЮ РОССИЮ!

ВОССТАНЬТЕ СИЛЬНЫЕ ДУХОМ — РОДИНА ЖДЕТ!

Георгий Димитров

Автор статьи, И. Н. Минишки — бывший член болгарской коммунистической партии, крупный работник Коминтерна. 17 лет он прожил в СССР, где занимал руководящие посты в системе наркомтяжпрома, затем служил в армии, имея звание комбрига, в 1937 г. был арестован, прошел все мытарства сталинских застенков, попал в концлагерь, а затем — освобожден («как невиновный»). В начале 1941 года И. Минишки был послан Коминтерном на работу в Болгарию.

Порвав со сталинским коммунизмом, И. Минишки перешел в лагерь антибольше-виков. Димитрова И. Минишки хорошо знал лично.

Умер болгарский диктатор Георгий Димитров, один из самых верных и последовательных сторонников сталинской противочеловеческой системы.

Сошел в могилу один из самых известных международных политических авантюристов, один из самых жестоких людей нашего времени.

Теперь за железным занавесом, в напыщенно-траурной обстановке, будут восхвалять и ставить этого властолюбца в пример подрастающим поколениям, называя его «лучшим демократом и неустрашимым борцом за право, человеческую справедливость и свободу»...

Болгарский же народ, который 5 лет нес непомерные тяжести преступной власти Георгия Димитрова, в дни официального траура скорбеть не будет; наоборот, вынужденный «добровольно» участвовать во всех траурных процессиях, собраниях и пр., в душе своей он будет ликовать, что на земле стало одним международным палачом меньше.

Георгий Димитров начал свою политическую карьеру в первые годы нынешнего столетия, как член левого крыла болгарской рабочей социал - демократической партии, во главе которой стояли тогда несколько интеллигентов, преимущественно юристов и учителей. И единственным представителем «рабочего класса» в центральном руководстве будущей коммунистической партии Болгарии оказался бывший типографский рабочий Георгий Димитров.

Сколько лет Георгий Димитров был рабочим, и был ли он вообще когда-нибудь настоящим рабочим — неизвестно. Несомненно, однако, то, что еще в 1904 году, когда ему было только 22 года от роду, он уже — не рабочий, он занимает ответственную и, следовательно, хорошо оплачиваемую должность в болгарских профессиональных союзах, непосредственно руководимых левым крылом болгарской рабочей социал-демократической партии. Если же принять во внимание, что главари этой партии и этих профессиональных союзов не могли взять с улицы случайно проходящего человека и доверить ему ответственную работу, что для подготовки своего помощника «из рабочего класса» им понадобилось по крайней мере несколько лет держать его в своей среде и за счет кассы профессиональных союзов дать ему возможность учиться и, вообще, не совсем по-пролетарски жить... да если учесть обязательную воинскую службу в течение 2-3 лет, согласно болгарским военным законам, — то каждый сам может подсчитать, сколько лет Георгий Димитров был простым рабочим до 22-летнего возраста.

Я остановился на этом не случайно, а потому, что в последние годы слишком много злоупотребляют так называемыми «узкими» и «неразрывными» связями некоторых из современных диктаторов (в том числе и Георгия Димитрова) с рабочим классом.

Димитров не мог родиться в рабоче-пролетарской семье, потому что он появился на свет в то время, когда рабочего класса **еще не было** в крестьянско-хлеборобной Болгарии. Кроме того, точно известно, что до 15-16 летнего возраста он учился в школе, как и все остальные болгарские юноши, и, еще более точно известно, что скоро после того, как он покинул школу — ему посчастливилось попасть в среду интеллигенции, в среду людей, которые, сами того не подозревая, выращивали будущего тирана. И если в сущности у Георгия Димитрова ничего рабочего и пролетарского нет, то под рабоче-пролетарской маской ему удается очень быстро и без особых затруднений занять место среди руководителей болгарского рабочего движения. Этому помогает и благоприятная конъюнктура: в Болгарии растет городское население, строятся железные дороги, расширяется почтовая и телеграфная сеть, дымят уже кое-где и фабричные трубы; одним словом — налицо рабочий класс с двумя политическими партиями и с профессиональными союзами. Беда только в том, что руководители болгарского растущего рабочего движения — одни только адвокаты и прочие интеллигенты. Как же в таких благоприятных условиях не процветать молодому «пролатерию» Георгию Димитрову? Ведь среди этих людей только он один — «рабочий от станка»!

Такое стечение обстоятельств (мудрость или какие-то особые заслуги — тут ни при чем), способствует продвижению Георгия Димитрова. В 24-летнем возрасте он занимает высокий пост в левом крыле болгарских профессиональных союзов — секретаря-кассира, на 27-летнем возрасте он член центрального комитета болгарской левой рабочей социал-демократической партии, а еще через 4 года ему выплачивают уже большой оклад жалования, как депутату болгарского парламента. Кроме того, он получает соответствующие гонорары за статьи, которые печатаются в газетах и журналах. С тремя высшими в болгарском государстве окладами, с богатыми гонорарами и при баснословно низких ценах в то время «рабочий представитель» Георгий Димитров, ругая капиталис-

Copyright by „Possev".

В. Самарин

Не в одиночестве

(ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

Поезд шел с частыми остановками по бесконечному одноколейному пути от Москвы к Волге. Леса кончились где-то под Рязанью и начались снежные равнины, однообразие которых нарушала лишь редкие станции да деревни, неожиданно выроставшие в снежной пустыне и напоминавшие пассажирам, что за стенами вагонов тоже есть жизнь...

Но промелькнет такая полузанесенная снегом станция или деревня и снова снег да снег. Ни кустика, ни деревца ни оврага.

В душном накуренном вагоне впервые за много месяцев я не испытывал того чувства, которое знакомо только тем, над чьей головой долгое время висела угроза ареста. Но и здесь мне казалось, что проходившие время от времени через вагон патрули дорожного НКВД слишком долго задерживаются около того места, где я сидел.

Раза два проверяли документы у всех пассажиров.

И каждый раз, когда я подавал свой паспорт, — я ждал простой, но много говорящей фразы: «Следуйте за мной».

Состав едущих в вагоне был довольно однообразен. Ехали главным образом крестьяне, согнанные с родных гнезд тем, что называли страшным уже ненавистным словом — коллективизация. В поисках «лучшей жизни» метались тысячи людей из одного конца необъятной страны в другой.

Ехали и такие, как я, которые расходились во взглядах относительно своей судьбы с людьми в коверкотовых гимнастерках.

Поезд шел довольно медленно, лениво постукивая колесами на стыках рельс. От скуки ругались взрослые, от голода и тяжелого спертого воздуха плакали дети.

На станциях стояли томительно долго. Стекла вагонных окон покрывал толстый слой льда, но у самой рамы оставалась незамерзшая узкая полоска, через которую можно было увидеть небольшую часть перрона, посыпанного шлаком, и рваные валенки станционного сторожа, дававшего второй звонок.

Второй звонок прозвонил, хлынувший из настежь открытой двери холодный воздух растаял под потолком, с трудом втиснувшиеся в вагон новые пассажиры разместились, усевшись прямо в проходах, а поезд все стоял.

— Встречного ждут,—объяснил знаток железнодорожных порядков сидевший против меня, который, повидимому, исколесил вдоль и поперек мачеху-родину в поисках «лучшей жизни».

В вагоне не подметали, лимонада не разносили. Проводник, совсем не похожий на вежливого проводника «международного», показывался очень редко и

Продолжение. См. «Посев» № 30.
Copyright by «Possev».

тов, живет сам, как капиталист. Но, может быть, никто не стал бы его упрекать ни за посещение лучших и самых дорогих ресторанов Софии, ни за чрезмерную страсть к спиртным напиткам, если бы он, действительно защищал интересы трудового народа.

К сожалению, путь Георгия Димитрова — путь самого отъявленного карьериста, властолюбца, кровавого тирана...

В 1923 году в Болгарии совершается государственный переворот против правительства Стамболийского (аграрной партии). В это время Георгий Димитров и другие руководители болгарской коммунистической партии занимают нейтральную позицию и тем самым помогают возвращению к власти самых реакционных элементов в стране. В сентябре месяце того же года почти по всей Болгарии поднимается народное восстание против узурпаторского правительства проф. А. Цанкова, но будущий «учитель» и «вождь» Георгий Димитров, вместо того, чтобы возглавить это восстание и бить врага в самой его цитадели, т. е. в Софии, — бежит и прячется в глубокую провинцию, в глухую деревню, где нет ни одного фабрично-заводского рабочего. Не дождавшись окончания восстания, он первый перекочевывает в чужое государство.

После смерти Ленина, Сталину удается сравнительно быстро и легко отстранить от руководящих партийных и государственных должностей всех ближайших его помощников и учеников. Одновременно с этим он создает в стране неслыханный в человеческой истории полицейско-террористический государственный аппарат. Некоторые из вождей иностранных коммунистических партий, из-за несогласия с политикой Сталина, покидают Коминтерн... Но мало известный в то время заграницей Георгий Димитров примыкает к сталинским головорезам и тем самым определяется курс его дальнейшей деятельности: его посылают на подпольную и подрывную работу в Германию, где, в связи с поджогом рейхстага, гитлеровцы создают ему мировую славу героя и мученика...

А геройства, в сущности. не было никакого.

Во-первых, Георгий Димитров рейхстаг не поджидал, а поэтому при нормальном судопроизводстве бояться ему было нечего.

Во-вторых, в тюрьме никто его не бил и не мучил.

В-третьих, широкая сеть сталинской агентуры за границей сумела во-время поднять неистовый шум вокруг этого дела.

В-четвертых, Сталин дал понять, что берет его под свою защиту.

И нужно ли после этого доказывать, что Гитлер, имея против своей еще не окрепшей власти и безоружной Германии (1933 г.), с одной стороны СССР и, с другой стороны мировое общественное мнение, — не мог дать иного хода этому процессу, кроме как освободить из-под ареста Георгия Димитрова и его товарищей.

При чем же тут геройство? Разве не видно, что одни авантюристы и мошеники более глупые, сами подставили трамплин другому авантюристу и мошенику, более умному, чтобы он мог прыгнуть в «пространство мировой популярности».

И Георгий Димитров не замедлил воспользоваться создавшимся положением. Ничем не рискуя он спокойно вел себя на судебном процессе и даже заявил, что Сталин его учитель и гениальный вождь трудящихся всего мира.

Сталин в долгу не остался- по возвращении Георгия Димитрова в СССР ему был предоставлен самый высокий пост в Коминтерне — пост генерального секретаря. В это время он не был даже членом его президиума.

Когда в 1936 г., по указанию Сталина ,начался массовый террор, получивший название «ежовщины», Димитров воспользовалэтим, чтобы передать в руки сталинских энкаведистов всех ему неугодных иностранных коммунистов, находящихся в то время в СССР. Так погибли бывшие депутаты болгарского парламента и члены центрального комитета болгарской коммунистической партии Д-р Никола Максимов, Генко Крестев и многие другие.

В 1945 году, после 22-летнего отсутствия, Георгий Димитров возвратился в Болгарию и утопил болгарский народ в крови, слезах и нищете. Убийство несомненного демократа и гуманиста Николы Петкова только отдельный эпизод «деятельности» Димитрова в Болгарии.

Некоторые спрашивают, кто теперь будет замесителем его?

А разве не все равно?

Ведь избавление болгарского и других народов, находящихся под игом системы государственного управления сталинского образца, зависит не от смерти того или иного палача ,а от уничтожения самой этой системы, от уничтожения сталинского диктаторско-террористического режима во всех его видах и проявлениях.

И. Минишки

УРОКИ ТИТОИЗМА

Прошел уже год, как маршалл Тито порвал с Коминформом и это позволяет подвести некоторые итоги этому факту, сделать из него кое-какие выводы, хотя пока еще и очень прелиминарные.

В последнее время титоизмом заинтересовалось общественное мнение всего мира. объясняется это, с одной стороны, крайним обострением отношений между Югославией и Советским Союзом, с его вассалами, а с другой стороны, тем, что очень многие политические деятели и публицисты Запада ищут в титоизме выхода из создавшегося на Дальнем Востоке кризиса. Первое обстоятельство представляет больше практического интереса, поскольку с ним могут быть связаны надежды на раскол или, по крайней мере, ослабление так наз. Восточного блока. Второе заключает в себе и огромный теоретический интерес, так как в этом случае титоизм перестает уже быть явлением временного и местного значения,

---

только затем, чтобы, размахивая фонарем, пробраться через сидящих в проходе и обругать находу нетерпеливых и любопытных пассажиров.

— Проводник, сколько до Пензы остановок? — спрашивал кто-нибудь.

— Посчитай — узнаешь.

Одним словом, поезд был пассажирский, ехали в нем не секретари Обкомов и не иностранные корреспонденты, а простые смертные, трудящиеся, — и чтобы узнать, сколько остановок осталось до Пензы нужно было верить на слово все тому же искушенному в поездках словоохотливому пассажиру, который, по его словам, только на Камчатке не был.

Вагон был набит людьми, как бочка сельдями. Счастливцы, успевшие захватить в Москве верхние полки, могли спать, все остальные дремали в самых разнообразных позах.

Больше молчали или обменивались отдельными словами. Но иногда кто-нибудь начинал рассказывать. Вокруг рассказчика собирался кружок слушателей. Дымились свернутые из газетной бумаги козьи ножки, мерно лилась речь рассказчика. Чаще других рассказывал пассажир, который знал железнодорожные порядки.

Он рассказывал так, как умеет рассказывать наш простой русский человек. Он рассказывал о многом, но в каждом его рассказе можно было уловить что-то такое, что говорило о большой ненависти этого человека к большевизму. Кто обладал хоть некоторой наблюдательностью, мог встретить иногда таких людей. Их узнавали по особенному блеску глаз, по особым, иносказательным оборотам речи. Такие люди чаще всего встречались в дороге. Именно к таким людям — это было сразу видно— принадлежал рассказчик.

В Пензе из нашего вагона выходило несколько человек. Началась обычная суматоха. С верхних полок тяжело спрыгивали люди. Мешки и фанерные чемоданы подтаскивали к дверям.

Воспользовавшись тем, что около рассказчика осовободилось место, я пересел к нему. Мы разговорились, и он, чувствуя во мне своего человека, поведал историю своей жизни.

Бывает так. Встретишь человека в первый раз, а кажется, что давным-давно его знаешь и выложишь ему все, что есть на душе, чего близким людям не говоришь никогда. Вот так и у нас произошло.

Он начал, не торопясь, вполголоса, свое невеселое повествование.

— Края наши привольные. Ведь и то сказать — Дон. Степи ковыльные. А в степи — дрофы. Ходят, посматривают, как будто не боятся, а близко не подпускают. Станицы верст по десять длиной. Богатые! Хлеба у каждого на два-три года. Скот отборный, породистый. Кони — птицы! Табунами паслись. А народ какой! Как казачки разоденутся, да выйдут под вечер на улицу — картину пиши. Но все, все это — было, да сплыло.

По мирному времени одной рыбы сколько вылавливали. Особенно хорош у нас бирючок. Белый, нежный. Давно я в родных краях не был, а до сих пор, как вспомню запах жареного бирючка, так и бьет в нос.

а приобретает общий, если не универсальный характер, и, следовательно, укладывается в рамки известной закономерности.

Практическое значение того, что Тито своим отколом от Коминформа вбил клин в монолитную, как казалось, советскую систему, вряд ли нуждается в доказательствах. А гипотеза о «нарочитости», политической игры и провокации, оказывается, повидимому, несостоятельной: развитие событий, особенно, последнего времени, нисколько ее не подтверждает.

Правительственная югославянская газета «Борба», по случаю годовщины титоизма, формулирует ряд обвинений, направленных против Советского Союза. Это, другими словами, счет, предъявляемый Тито Кремлю. Причем особенно важно здесь то, что до сих пор титоисты старательно избегали каких бы то ни было выступлений против СССР, против ВКП(б) или «лично» против Сталина. Полемика была направлена до сих пор исключительно против Коминформа, и какие тактические соображения диктовали эту линию поведения, совершенно понятно, — Тито не столь наивен, чтобы видеть в этом резерв на случай возможного примирения, но ему тоже нужно считаться с общественным мнением тех, на кого он опирается. И если в Югославии сейчас начинается кампания уже непосредственно против СССР, это значит, что в эволюции титоизма мы стоим перед существенно новым этапом.

В чем же «Борба» обвиняет Советский Союз *)? А здесь-то и зарыта собака, так как все то, о чем пойдет речь, в одинаковой мере приложимо к любому советскому сателлиту: Югославии так же, как и Польше; Польше, как и Румынии; Румынии, как и Монголии. И не только в настоящем, но и в будущем. В любых географических координатах и любых хронологических рамках. СССР, оказывается, ведет по отношению к Юголавии, — значит, любому другому своему сателлиту, — политику самой откровенной и последовательной колониальной эксплоатации: вывозя из нее сырье, пытается искусственно задерживать ее промышленное развитие, или как сейчас привыкли выражаться, ее индустриализацию. Он же ввозит в страну, — т. е., делал это до разрыва, — заведомо негодные, бракованные или неполноценные изделия собственной промышленности. Продает их по непомерно высокой цене и покупает за бесценок местные товары. Навязывает свои хозяйственные планы в ущерб интересам страны и т. д.. Это — экономический счет. За ним идет политический. Там уже вещи общественные. Но, кроме террористической деятельности МВД и МГБ, здесь упоминается еще и то, что советские власти поддерживали и выдвигали на руководящие посты заведомых военных преступников и коллаборантов, сотрудничавших с гитлеровцами, не говоря уже об ограничении местной инициативы и прочее.

Что же из всего этого следует? Развенчан один из главных мифов большевизма: о международной солидарности трудящихся, равно как и о том, что колониальная эксплоатация есть только неотъемлемая принадлежность капитализма. Оказалось, что и в рядах победившего пролетариата могут быть не менее острые противоречия, чем между капиталистическими странами или, что еще хуже, между капиталистами и зависимыми от них народами. От этого один шаг и до империалистической войны. Выходит, что и империализм, вопреки Ленину, вовсе не является признаком загнивающего капитализма, а может сочетаться и с расцветающим социализмом. Все это только неизбежные следствия из сталинской теории построения социализма в одной стране. Социализм-то построен, но какой?

И хуже всего для большевизма то, что Тито не одинок. Действие вызывает противодействие. Где есть колониальная эксплоатация, там неизбежно появляется и национально-освободительные движения, по другой терминологии, колониальная революция. Колониальная революция направленная против сторонней диктатуры, пусть даже и пролетарской! Это уже нечто совсем неслыханное... Не везде еще освободительная борьба приняла такие размеры и такие внешние формы, как в Югославии Тито. Не везде есть для этого достаточно объективных и субъективных предпосылок. Но везде есть зато скрытый потенциал этой борьбы, готовый в первый же подходящий момент принять и открытые формы. А что это так, свидетельствуют примеры Гомулко в Польше, Костова в Болгарии, Райка в Венгрии. Имена Гомулко или Райка известны. Их не удалось скрыть. Но сколько есть еще безвестных, никому неведомых борцов, которых советские палачи не всегда без основания обвиняют в «националистическом уклоне». Всех их ликвидировать не удастся. Национальная революция всегда оказывается гидрой, у которой на место одной срубленной головы выростает другая. Кое-кто из старых и, так сказать, наиболее квалифицированных империалистов это уже понял и, сделал из этого надлежащие выводы. Но поймут ли это империалисты нового образца, прикрывающие политику угнетения трескучими революционными фразами?

Кое-кому не нравится, что Тито, порвав с Коминформом и вконец рассорившись с Политбюро, продолжает исповедовать себя коммунистом и большевиком. Но именно в этом-то и заключается особенная опасность титоизма для всей системы большевистского тоталитаризма. **Чем более правоверным показывает себя Тито, тем труднее с ним бороться.** Его нельзя назвать ренегатом. Даже избитая кличка контр-революционера и анти-коммуниста к нему не подходит, как не подходила она когда-то к троцкистам или бухаринцам. Нужно изобретать что-то другое, вроде провокатора или шпиона. Но и эти ярлыки явно теряют свое действие. А изобретательная способность господ вышинских не велика. И если нельзя возлагать на титоизм чрезмерных надежд, как это сделалось модным, то не следует также его игнорировать, — не замечать.

Н. Громов

*) Цитировано по «Нью Йорк Геральд Трибьюн».

А куда что девалось? Ведь теперь и десятой доли рыбы не вылавливают. Что с природой самой случилось? Был у меня сад небольшой. Корней сорок. Так вымерз. Каждый год по несколько штук вымерзало.

Однако хозяйствовал помаленьку, пока не подошел 1930 год. Организовали у нас колхоз. Работать-то я люблю, а тут, как на зло, председателем колхоза поставили первейшего в станице лодыря и пьяницу. И фамилию имел подходящую: Забулдыгин. Еще деда его прозвали Забулдыгой. Так и пошли Забулдыгины. Вижу я, что ничего из этой затеи не выйдет — и выступил на собрании. Через неделю явились за мной из района, из ГПУ, имущество описали, а меня с женой и детьми — к белым медведям. Из вещей ничего не разрешили взять. В чем были, пешком погнали на станцию. Суда никакого не было. Когда я хотел протестовать, следователь ГПУ сказал

«Молчи, кулацкая твоя морда. Скажи спасибо, что жив остался. Шлепнуть тебя нужно было за агитацию»...

Выслали нас в Пермский край. Год на Каме работал, лес сплавлял. На второй год умерла жена, умерли дети — не выдержали.

Я заметил, как дрогнул голос этого видавшего виды человека...

— Отсидел я 5 лет, — продолжал он, — получил минус 12. Устроился на работу, но скоро уволили меня. Поехал в Сибирь и вот за три года исколесил всю Россию-матушку. Насмотрелся всего. И хорошее видел. Хорошее — от людей хороших русских. Есть они еще. Но больше плохого.

Он помолчал.

— А главное к выводу пришел. — И, наклонившись ко мне, горячо прошептал:

— Этому должен быть конец. Непременно — конец.

Меня глубоко тронуло доверие этого человека. А он от мысли, что придет время, когда «этому» будет конец, весь просветлел.

И у меня внутри вдруг все запело и мне захотелось обнять незнакомого, но ставшего вдруг близким, человека.

Точно отвечая своим мыслям, дрогнувшим от наплыва чувств голосом он сказал:

— Верьте, это будет, это обязательно будет.

И я, повинуясь какой-то внутренней силе, убежденно ответил:

— Верю и знаю: будет.

Мы не заметили, как последние слова сказали совсем громко. Несколько любопытных лиц обернулось в нашу сторону. Мы заговорили о другом, но в душе что-то продолжало петь. Вагон уже не казался таким грязным, а дорога длинной.

Еще задолго до Волги в вагоне заговорили о том, что на мосту нельзя окон открывать, особенно сейчас, ночью: часовые стреляют, не предупреждая, боятся, что мост «враги народа» взорвут.. Перед мостом поезд замедлил ход, через вагон прошел проводник и, действительно, предупредил, что-бы не открывали окон, хотя никому и в голову не могло притти ночью, в зимнюю стужу, при 20 градусах мороза, открыть

В ОСАЖДЕННОЙ КРЕПОСТИ

(БЕРЛИНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ)

Друг, встретивший меня на одном из берлинских аэродромов, шутя спросил — заметил ли я когда аэроплан пролетал сквозь «железный занавес»? Я не задумываясь ответил — да, конечно!

Это — правда. Когда внизу начинается пейзаж советской зоны, первое, что бросается вам в глаза — пустые шоссейные дороги — резкий контраст с дорогами западных зон, по которым беспрерывным потоком движутся коробочки автомобилей. Но о контрастах мне еще придется говорить.

Я попал в Берлин до снятия блокады и несказано рад этому. Трудно передать атмосферу осажденного Берлина, но я теперь прекрасно вижу, что не ощутив ее, не окунувшись в нее еще труднее было бы составить представление об этом городе, волею судьбы воплотившем в себе образ всей послевоенной Германии. Как в капле крови исследователи находят причины болезни всего организма, так в Берлине наблюдательный взгляд заметит микробы противоречий, разъедающих всю страну. На небольшом, но в то же время сконцентрированном пространстве они видны столь ярко, как ни в одном другом месте.

*

Кому случалось жить близко от морского берега, тот знает ощущение беспокойства, тревоги рождаемое шумом прибоя. Только постепенно к нему привыкаешь и перестаешь его слышать. Точно такое же чувство пережил я в свою первую берлинскую неделю. С той разницей, что вместо морского прибоя угнетал, давил, тревожил беспрерывный гул самолетов. Именно беспрерывный — днем и ночью, в хорошую и плохую погоду, ежечасно, ежеминутно, то нарастая, то затихая, но не замолкая ни на секунду.

Второе, к чему пришлось привыкать, что было необычным — это отсутствие нормальной вечерней жизни. Мне особенно запомнился второй вечер в Берлине, когда еще засветло мы вышли пройтись по улицам. Мы прошли приблизительно около десяти кварталов по улице, когда-то бывшей одной из жизненных артерий Берлина: оживленной, с массой магазинов, ресторанов, кафе. По ней проходил трамвай, потоком шли автомобили, а тротуары переполнены были людьми. Она проходит через небольшую площадь, где всегда бил фонтан ,стояли скамейки, играли дети, грелись на солнце старички и старушки. Теперь все пусто. Одни развалины и среди них узкоколейка — очевидно вывозят кирпич. Нет ни цветников, ни дорожек, ни лавочек — на их месте взрыхленная, развороченная земля. И все это белое, белое.

В лучах заходящего солнца отчетливо виднеется пелена пыли, нависшей над тем, что раньше было домами. Квартал за кварталом тянутся развалины, не имеющие ни конца, ни края. В некоторых местах вдоль улицы аккуратными столбиками сложен кирпич, но за этими столбиками холмистые груды развалин: кирпич, бетон, дерево и железо. И на этих холмах то там, то здесь пробивается неопределенного, — нет не зеленого, — цвета трава, чахлые кустики, даже деревца. На всем белая пелена пыли. Нет, это не производит впечатления возраждающейся жизни — скорее подчеркивает торжество, господство смерти. И о ней же напоминает тошнотворно-сладкий запах тления, иногда приносимый ветерком с развалин. Белая пыль, смешанная с запахом тления. Гармония разрушения и смерти.

То там, то здесь среди руин возвышаются дома, уцелевшие или полууцелевшие, напоминающие обгоревшие остовы деревьев, капризом стихии, сохранившиеся после лесного пожара. В этих домах теплится жизнь: занавески на окнах, иногда подобие витрин, комнатные цветы на подоконниках. Мы медленно идем вдоль аллеи, — впрочем сейчас здесь нет ни одного дерева, даже пеньки и те не торчат, — и если бы не гул самолетов то наши шаги были бы отчетливо слышны на много кварталов — так пусто и тихо кругом. Но вот вдали видна человеческая фигура — первая за полчаса нашей прогулки: пожилая дама прогуливает собачку, но не отходит от парадной двери своего дома. Впечатление такое, что она готова по первой тревоге броситься в дверь и захлопнуть ее за собой, как гарнизон осажденной крепости после неудачной вылазки захлопывает за собою крепостные ворота. Еще две таких встречи и, наконец, уже на обратном пути — первый прохожий — молодой человек в светлом костюме, с ярким галстуком и счастливым лицом. Наверное со свиданья — любовь делает смелым. Но и он спешит, окидывая нас пытливым взглядом. А между тем заря от только что спустившегося за развалины солнца еще успешно борется с сумерками. Когда мы подходим к своему дому уже совсем темно: единственный источник света — слабое мерцание звезд, да из одного окна нашего дома — тусклый луч от самодельной лампочки.

Около получаса, сидя за кофе в кабинете моего спутника, я стряхиваю с себя неприятное впечатление чего то неуловимо жуткого, охватившее меня после первой вечерней прогулки по Берлину. Я невольно вспомнил то место из «Тараса Бульбы», где описывается посещение Андрием осажденной польской крепости — в этом было что то схоже. И неоднократно потом, во все время пребывания в Берлине, чувство это не покидало меня и ослабело только после памятных дней снятия блокады. Ослабело, но не исчезло совсем. Не исчезло не без оснований, но об этом ниже.

В разговорах с берлинцами, в наблюдениях за повседневной жизнью города постепенно выясняются те причины, которые создают психологическую обстановку осажденной крепости. Причин этих несколько.

На первом месте — сам факт блокады. Несмотря на то, что к маю этого года снабжение города по воздуху достигло рекордных цифр, все же ощущается недостаток самых необходимых предметов. Прежде всего это горючее — в результате свет в дома подается на весьма ограниченный срок, трамваи ходят с перерывами а после восьми часов вечера движение останавливается совсем, на улицах почти нет автомобилей. И еще в целом ряде мелочей и деталей видна рука блокады.

Второе — грабежи, убийства и похищения. Развалины Берлина — благоприятное место для уголовного элемента. Безработица, бродяжничество, разруха создают питательную среду для беспрестанного пополнения преступного мира. Но едва ли не большую роль при совершающихся преступлениях играют мотивы политические. В частности, все случаи похищений, а также многие убийства, продиктованы именно

Copyright by „Possev".

окно. Да и окна давно так замерзли, что их легче было разбить, чем открыть. В вагоне присмирели, а какая-то крестьянка, закутанная в платок, даже отодвинулась от окна, втянув голову в плечи. Мой новый знакомый невесело пошутил: «Боишься, тетка?».

Поезд еще больше замедлил ход и слышно было по характерному стуку колес, что мы на мосту. В вагоне наступила настороженная тишина все смотрели на окна.

Но ничего особенного не произошло: из окон не выглядывали, а часовые не стреляли. Поезд пошел быстрее: видимо мост остался позади.

Через час поезд подходил к вокзалу большого волжского города — цели моей поездки. Я взял с полки свои вещи. Мы крепко пожали друг другу руки. Он ехал дальше, в Западную Сибирь. Адресов мы не давали друг другу, да если бы и хотели дать,—не могли. Разве мы знали, где удастся нам снова бросить якорь и на какой срок пристать к временной пристани?

(Продолжение следует)

этими мотивами. Нити тянутся в восточную зону, к невидимому штабу ,задачей которого является борьба и уничтожение политически-активного элемента западного Берлина, террор и запугивание демократических сил Берлина.

Эта акция подкрепляется активной коммунистической пропагандой — третий основной фактор, создающий обстановку осады, — ведущейся очень напористо и нагло. Запрет западных комендантур распространять литературу восточных издательств, по сути дела не действует. Коммунистические газеты, листовки, брошюры наводняют западные сектора города, проникая иногда тайными, иногда явными путями.

Поэтому неудивительно, что западные берлинцы рассматривают как крепость не только свои сектора города, но и свои дома. Сначала мне бросалось в глаза, потом уже я привык, что прежде чем открыть дверь, хозяин квартиры, к которому Вы идете в гости или по делу, сначала рассмотрит Вас через приоткрытую на цепочке дверь, или через специальное отверстие, и только потом впустит. И я часто вспоминал даму с собачкой, которую видел во время первой вечерней прогулки по Берлину.

Но ошибочно было бы сделать из этого вывод, что население западного Берлина терроризовано, запугано, деморализовано. Далеко нет. Оно осторожно, но не трусливо. Оно организует самозащиту — и это единственный правильный путь, ибо надеяться на западную немецкую полицию дело проигрышное. Трудно представить себе насколько беспомощна, инертна и труслива эта полиция. Она старается быть подальше от того места, где происходит какой-нибудь конфликт, а уж если случается ей попасть в гущу событий, то представители власти ползают как мухи по стеклу и не могут ничего противопоставить энергии и напору уголовного или коммунистического элемента.

Система обороны западных секторов, система защиты их населения, однако, прекрасно отстроена оккупационными властями. Специальные машины с военной полицией, имеющие беспрерывную радиосвязь с постами, курсируют во всех угрожаемых районах города — такими районами, конечно, являются, прежде всего, районы, граничащие с восточной зоной. На месте происшествия они появляются очень быстро и действуют решительно и энергично, не в пример политическим деятелям на международных конференциях. Если бы они следовали им, то западный Берлин был бы уже давно потерян.

Самооборона жителей и построена из расчета на помощь этих «летучих голландцев». Существуют специальные дежурные, мобилизуются телефоны и т .д. То и дело можно встретить аккуратную табличку: «Ближайший телефон там-то». Я не вхожу в детали этой оборонительной системы постольку, поскольку у ней, как у каждого военного мероприятия, есть свои секреты, но могу заверить, что берлинцы, в гораздо большей степени, чем это кажется с первого взгляда, готовы к обороне от осаждающего их врага.

Но не только это свидетельствует о стойкости берлинцев, о их готовности встретиться лицом к лицу с новыми трудностями, которых они ожидают, несмотря на снятие блокады. То мужество, с которым они переносили лишения минувшей зимой, твердость, проявленная во время последней забастовки, жажда свободы и понимание угрожающего коммунистического рабства, готовность бороться за человеческие права — проявления всего этого, заметные даже не для очень наблюдательного взгляда, также свидетельствует об их стойкости.

Два сомнения подрывают их твердость.

Боязнь, что западные демократии в решающий момент бросят их на произвол судьбы и предательство собственной интеллигенции, из рядов которой черпаются, главным образом, сторонники коммунистической «Единой социалистической партии Германии».

Обсуждение первого сомнения выпадает из плана моих очерков, что же касается второго, то эта тема настолько важна, что я остановлюсь на ней особо.

А пока внимательно присматриваюсь ко всему окружающему; много гуляю, наблюдаю, разговариваю. И если вечерний Берлин встает как призрак, как нечто ирреальное перед моими глазами, то, наоборот, дневной Берлин в резком контрасте — сама реальность. Он живет, бурлит, смеется, шутит, торгует, даже, строится. И я, толкаясь по улицам, освещенным скудным берлинским солнцем, в шуме толпы слышу беспрестанный, назойливый рефрен: «Ост геген вест! Ост геген вест!». Это спекулянты меняют валюту. Но, право, в этом есть нечто символическое.

Е. Р.

Смысл существования большевизма

Даже самое беглое ознакомление с весьма обширной литературой об СССР сейчас же обнаруживает чрезвычайную пестроту не только в оценке, но уже в самом описании советской действительности. Пестрота эта происходит отнюдь не только от сложности рассматриваемого предмета и не является только следствием «железного занавеса», не дающего якобы возможности достаточно полно и объективно ознакомиться с действительным положением вещей в Стране Советов.

Жизнь под «солнцем Сталинской конституции» отнюдь не сложнее жизни любой другой страны или любой другой эпохи, а сведения о происходящих там социальных, экономических и культурных процессах совершенно достаточны для того, чтобы судить о них по меньшей мере с такой же полнотой и объективностью, с какой современный исследователь берется судить о любом другом известном ему историческом явлении.

Пестрота оценок и мнений об СССР, с которой сейчас приходится иметь дело, есть, также только отчасти, следствие определенных политических симпатий и антипатий, диктующих исследователю ту степень доверия, с которой он относится к официальным советским сведениям и к неофициальным показаниям собственного опыта или опыта людей, так или иначе переживших советскую действительность.

Даже если полностью отбросить все явно просоветские или явно антисоветские работы, то литература об СССР все же составит весьма значительное число томов, написаных с большой тщательностью и преследующих только одну цель — истину.

Наличие подобных противоречий даже в этой драгоценнейшей литературе объясняется только одним: отсутствием обобщающего понимания сущности большевизма и вытекающей из этого неопределенностью в методах его исследования. Подавляющее большинство исследователей в силу ли личной скромности, или в силу до сих пор чрезвычайной бедности полноценного материала о большевизме ограничивало себя разработкой какой-либо одной области, не решаясь судить о том, что лежит за ее пределами и не задумываясь над проблемой методологического подхода к изучению большевизма в целом. В деле исследования советского хозяйства, например, применялись все методы и приемы современных экономических наук, в результате чего достигнуто чрезвычайно много ценного и правильного дух советской экономики, однако, почти везде понимается как элементарная попытка планирования огромного государственного хозяйства, что раскрывает только одну и не самую существенную его сторону. Стремление к созданию

Copyright by «Possev».

коммунистического общества принимается обычно за действительную конечную цель деятельности большевиков, тогда как дело строительства коммунизма само по себе далеко не имеет решающего значения, ни во внутренней, ни во внешней политике большевизма. Все тридцатилетнее владычество большевиков в России воспринимается далее, как некоторый гигантский эксперимент, имеющий целью воплощение в жизнь марксистского учения так, как оно понимается сейчас Сталиным. Это недоразумение имеет в своей основе не только излишнее доверие к большевистской фразеологии, но и колоссальную переоценку теории в практической деятельности большевиков. Оно ведет к убеждению, что очевидная неудача эксперимента может заставить Кремль одуматься, «переменить политику» и «дать стране возможность вернуться в русло нормальной жизни».

Ни о чем подобном, конечно, не может быть и речи. Большевики совершенно так же не могут «одуматься» и превратиться в буржуазных овечек, как не может «одуматься» Черчилль, отказавшись от своих попыток «разжечь третью мировую войну», начать строить коммунистическое общество.

«Гуманизм», «либерализм», «капитализм», великая европейская культура Нового Времени сейчас уже принадлежит историческому «вчера», в котором мы не живем, хоть по инерции часто продолжаем мерить происходящее с нами именно его мерками этого «вчера», в силу традиции и привычки кажущимися нам «естественными» и «нормальными».

Эти мерила невольно прилагаются многими исследователями и к большевизму, который, однако, принципиально несоизмерим с ними. Перестать это делать, найти для оценки большевизма соответствующий ему масштаб, научиться измерять большевизм в нем самом заложенной мерой — вот необходимейшая предпосылка для плодотворного изучения большевизма. Ибо на привычные для нас мерила в СССР все «ненормально», все «противоестественно», загадочно и непонятно. И недаром даже немецкий генеральный штаб, знакомый с духом тоталитаризма, хотя бы по гитлеровской государственности, не сумел оценить подлинной военной мощи СССР, а политика даже такого большого человека как Франклин Д. Рузвельт в своем расчете на демократизацию советского режима систематически оперировала совершенно ложными представлениями.

Точно то же следует повторить и в смысле отношения большевизма к российской культуре.

Экзистенциональную сущность большевизма я определяю, как волю к тотальному властвованию.

Все, что делается большевиками в России, есть отнюдь не эксперимент: самое существование большевизма, начиная с выступления Ленина на съезде 1903 года, есть попытка утверждения в мире принципа тотального властвования, не только в плане мирового господства, как его понимали Чингис-Хан или Гитлер, но в плане действительного овладения человеком и обществом.

Большевизм есть мировое культуротворческое (вернее культуроразрушающее) явление гораздо большей глубины, чем это допускалось до сих пор его оценками. Это вполне законченное стремление к новому бытию (вернее небытию), — к бытию без свободы.

Уничтожение всякой свободы, где бы она ни была и в чем бы она ни проявлялась — вот смысл и цель существования большевизма тот пробный камень, с которым надо подходить ко всякому его мероприятию, тот имманентный ему масштаб, которым нужно мерить его достижения. Существенным для большевизма является только то, что осуществляет в мире начало тотального властвования. Все остальное служебно, проходяще, случайно, в основе своей чуждо большевизму, а в замысле ему враждебно. Именно к большевизму, а не к какому бы то ни было другому политическому движению, применимо модное ныне словечко «тоталитаризм». Именно СССР, даже не Германия Гитлера и подавно не Италия Муссолини или Испания Франко, есть тоталитарное государство в неумаленном смысле этого слова, хотя, конечно, национал-социалистическая Германия, и в меньшей мере фашистская Италия, и могут рассматриваться, как менее совершенные проявления той же самой идеи.

Предпосылкой для абсолютизации ценности власти и избрания ее, как первоценности, явилась намеченная уже в первоначальном марксизме тоталитарная картина мира, единого, однородного, скованного единообразными законами, совершенно богопустынного и совершенно познанного в своем объеме, составе и структуре, а поэтому как бы предопределенного для абсолютного им овладения.

Другой предпосылкой явился коммунистический идеал, заимствовавший из совершенно инородного ему «капиталистического» мироощущения материальное благо, как высший предмет служения, и затем, в силу материалистического отрицания не только духовных, но даже и душевных потребностей человека, низведший это благо к абстрагированной пользе.

В бессознательных глубинах большевизма постоянно бьется сомнение в правильности тоталитарного мироощущения. Оно для большевика — источник неизбывного страха и страстной нетерпимости к какому бы то ни было инакомыслию. Оно источник и того, на «капиталистическую» мерку удивительнейшего, свойства большевиков объявлять несуществующее существующим, которым в наивысшей степени обладает сам Сталин. Сближение идеала с действительностью, декларация действительности идеальной, при таких условиях почти неизбежны. Это вводит неразвитые в первоначальном марксизме элементы догмы и приказа в самый центр духовного творчества большевизма.

Для того, чтобы пусть фиктивно, но осуществлять коммунистический идеал, оказывается необходим приказ, который и может быть дан в меру овладения миром, овладения уже начавшегося с момента, когда была, пусть неверно, но познана Марксом и Энгельсом его «подлинная структура».

Служебная по своему существу ценность власти при таком подходе абсолютизируется, и не может не абсолютизироваться, ибо действие ее мнимо и результат этого действия («скачок из царства необходимости в царство свободы», преображение реального мира в мир идеальный) также мним и может существовать только пока существует власть, только как «надстройка» над властью. Действительна сама власть. Из средства она становится предметом служения.

Абсолютизированная воля к власти органически связана с волей к небытию, а отсюда с волей к иллюзии. Избрание власти, как первоценности, влечет за собой поэтому не только соответствующее искажение всей иерархии ценностей (в этом было бы еще сравнительно не трудно разобраться), но вызывает своеобразный, уводящий в небытие процесс непрерывного создания все новых и новых иллюзий, в который втягивается, в первую очередь, идеология большевизма.

Подлинной религии у большевиков нет, да и быть не может. В едином, простом и познанном мире для Бога не остается места, а воля к тотальному властвованию исключает молитву: «да будет воля твоя!», без которой немыслим никакой религиозный акт. Только в силу этого факта этот процесс лишь условно может быть назван «мифотворческим». Все создаваемые им «мифы» не более как иллюзии, обычно при первом же столкновении с практикой перерождающиеся в фикции. За короткую историю большевизма их можно насчитать уже несколько десятков.

Сама по себе совершенно простая внутренняя природа большевизма проецируется таким образом в двух планах: в плане жизненной реальности и в плане иллюзий. Чрезвычайно сложное взаимодействие этих двух планов и создает ту внешнюю путаницу, в силу которой даже самое глубокое понимание отдельных проявлений большевизма не

дает еще возможности правильной оценки его, как целого.

Четкое различие между реальной и иллюзорной сторонами в явлении большевизма есть еще одна методологическая предпосылка, совершенно необходимая и никем не соблюдаемая в деле изучения большевизма.

Различие это далеко не всегда дается легко. Сущность большевизма обычно проявляет себя сразу в обоих планах. Больше того, мир иллюзий, мифов и фикций, эта верообразная сторона большевизма, принимаемая некоторыми даже за своего рода псевдорелигию, служит ему чрезвычайно действенным оружием в борьбе за достижение его экзистенционального замысла. Мир иллюзий используется в интересах реальной проекции большевизма и в этом заключается главнейшая его характеристика.

Понимать и объяснять его следует именно в этом смысле. Большевистские «убеждения» не суть выводы из реального опыта, как это в значительной степени можно сказать об убеждениях европейской и особенно российской культуры, но они не есть и непосредственные проявления его экзистенциональной сущности, чем в значительной мере были верования немецких национал-социалистов.

Большевистская идеология служит нуждам практики, совершенно независимо от того, принимает ли она при этом наукообразные, верообразные или рекламообразные формы, а в конечном счете независимо и от степени искренности, с которой она разделяется ее адептами.

Практика большевизма диктуется его стремлением не просто к мировому господству, но к овладению процессом мировой истории, что равнозначно полному упразднению свободы, превращению человека во «вполне родовое существо», (Маркс), а мировой истории в «муравейник» (Достоевский). В последней своей глубине большевизм понимает, что мир не таков, каким он его себе представил, но тем более страстно стремится сделать его таким. Это стремление, раскрывается, в конечном счете, как стремление к небытию. На месте реального мира утверждается новый, фиктивный мир. Существующее объявляется несуществующим а несуществующее существующим. Тотальное властвование может быть осуществлено только в этом несуществующем мире.

Мир большевистских фикций отнюдь не есть поэтому сознательная маскировка. Он оказывается для большевизма жизненной необходимостью, оружием, данным большевикам собственной их природой, а не созданным ими в результате сознательного расчета. Идеология большевизма ничего общего не имеет с истиной: она есть фикция, служащая интересам большевистской практики, но она все время грозит превратить и эту практику в пустую фикцию.

Большевистская власть над материальным аспектом мира из года в год непрерывно растет. От почти еще не материализированной власти Ленина над большевистской фракцией РСДРП через Октябрьскую революцию, гражданскую войну и НЭП к окончательному физическому порабощению России в период сталинизма и к утере власти над душами именно в тот же период. Мифотворчество Маркса и Ленина у Сталина становится творчеством фикций. «Счастливая зажиточная жизнь», «солнце сталинской конституции», «морально-политическое единство советского народа» уже не иллюзии, а фикции.

99,9% избирателей, целиком подчиняясь советской власти, отдают свои голоса «блоку коммунистов и беспартийных» в порядке чистейшей фикции. Чем полнее, чем безусловнее становится власть большевизма над материальным бытием человека, тем фиктивней, тем нереальнее становится эта власть над бытием духовным. В этом возмездие заложенное в самой природе большевизма.

В области духа большевики стремятся именно к фиктивной власти, предпосылкой для которой («дух дышит свободой») является угашение духовной жизни, превращение ее в фикцию.

Не примат бытия над сознанием так, как он выражен в большевистской теории, а стремление «фикционализации» сознания (да простят мне громоздкое словотворчество) есть подлинное стремление большевизма.

Теоретические положения диамата о «надстроечном» характере духовной жизни, о «человеке как вполне родовом существе» и т. п. только объявляют чаемое сущим, они суть явления, того же порядка, как декларации о «привольной, зажиточной жизни», «трудовом энтузиазме» и т. п.

Большевики оказывают безусловное предпочтение власти над материей перед властью над духом. Осуществляемая ими идея власти есть идея власти абсолютизированной, идея власти, как самоценности. Большевистской в окончательном смысле этого слова является поэтому только власть принудительная. Свободная власть, власть духа над духом недоступна большевизму ни умозрительно, ни практически, ибо она не может быть абсолютизированна. Большевизм чувствует и применяет такую власть совершенно согласно ее природе: только как средство. Она есть для него ценность только служебная, причем служебная по отношению к абсолютизированной принудительной власти.

В практике большевизма это означает систематическое использование всех возможных средств духовного и душевного воздействия на человека, в интересах подчинения его принудительной власти, причем свободное подчинение может иметь место только на первом и предварительном этапе; по мере развития принудительной власти, использование духовного влияния неизбежно принимает все более и более фиктивный характер. Подлинная власть над человеческими душами все более и более ускользает, марево фикций, горящее сейчас над советской действительностью, есть явление совершенно закономерное. Оно есть выражение фиктивного, но зато тотального властвования над видимостью духовной жизни. Только в таком виде может быть осуществлен онтологический замысел большевизма. Только в таком виде он и осуществляется.

Духовное развитие большевизма идет таким образом вовсе не к закрепощению духа в рамках определенных верований, не к созданию поколения большевистских фанатиков, не умеющих ни думать, ни чувствовать иначе как по-большевистски. В замысле большевизма лежит угашение духа. Стремление к тоталитарному властвованию имеет в виду не ограничение свободы, а ликвидацию самой возможности свободы.

Единственной реальной целью жизнедеятельности большевизма остается, таким образом, укрепление принудительного начала во властвовании. Расценивать все происходящее в сфере деятельности большевиков как усиление или ослабление возможностей принудительного властвования поэтому есть тот последний методический принцип, без которого познание большевизма не может быть целесообразно систематизировано.

Р. Н. Редлих

Институт Изучения СССР при Национально-Трудовом Союзе

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ «ПОСЕВА» БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ:

Евг. Шугаев
ПУШКИН И ПУТИ РОССИИ

А. Иванов
ЖИВОТНОВОДЧЕСКАЯ ТРЕХЛЕТКА

Н. Градобоев
СТРАНА В ЗЕМЛЯНКАХ

Г. Андреев
МОСКВА И НЕМЦЫ

А. Светланин
ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО ЗАГОВОРА

СКИФ

К пятой годовщине со дня смерти члена Национально-Трудового Союза, одного из руководителей российского подполья в годы войны, доктора Николая Митрофановича Сергеева, погибшего в концентрационном лагере Заксенхаузен

22.7-1944 — 22.7-1949

«Да, скифы мы...».
Ал. Блок

«Неправда, друг не умирает,
лишь рядом быть перестает».

Когда после умышленно «случайного» знакомства с доктором Сергеевым на многолюдном собрании НОРМ-а, кто-то спросил, какое было мое о нем впечатление, — у меня невольно вырвалось — «скиф...».

И, действительно, было нечто скифское степное в этих крупных, неровных чертах, слегка скуластого лица, в этих прищуренных дерзкой усмешкой глазах, во всей этой крепкой фигуре, дышавшей силой и спокойной уверенностью в себе.

Впоследствии, совместная работа и чуть ли не ежедневные разговоры и встречи крепко связали меня с ним. Но и узнав его ближе, если б кто спросил мое мнение о Николае Митрофановиче, не подыскал бы слова более выразительного ,чтобы охарактеризовать эту богато-одаренную энергичную натуру национального деятеля, поэта и врача, чем то, которое прославил Блок своим стихотворением.

Должно быть Сергеев был ценным и опытным врачем, — во всяком случае у него были все качества хорошего хирурга: быстрота, меткость, решительность, при нужде, даже грубость и хладнокровие.

В политической работе такие качества на вес золота, особенно, когда постоянно находишься на боевом положении, как это было тогда.

И Сергеева ценили.

Ему была поручена ответственная и деликатная работа — руководство молодыми группами.

Ответственная — потому, что нужно уметь «раскусить» человека, избежать провокации, распознать, где овчинка стоит выделки и где не стоит, дабы привлечь свежие силы.

Деликатная — потому, что нужно уметь подойти к каждому, не охладить не «спугнуть», не оттолкнуть, а, наоборот, заинтересовать, убедить и, наконец, «обработать», — сформировать технически, идеологически и, главное, духовно.

Относительно привлечения Сергеев имел правило: крайне осторожно действовать, Он резко реагировал против распростертых объятий первому попавшемуся, отлично сознавая, что победить мы можем не количеством, а качеством, отбором.

«Подхожу к каждому человеку сдержанно», полушутя рассказывал он и прибавлял: так лучше, не строй себе иллюзий, не будет разочарований. Не привык я отдавать мое доверие и уважение без разбору».

Но когда давал, то давал полностью и его любили за это. Любили его и за острый ум, за живую беседу, за неисчерпаемую культуру, за то, что на 10 или 15 лет, разделявших его от нас, в

нем сохранились вся вера, весь динамизм, весь задор молодости.

Перед большой аудиторией Сергеев говорил так же легко, так же просто, как в тесном кругу молодой группы. К слушателям он обращался непосредственно, как бы завязывая с ними взаимную беседу.

Остроумно, резко, меткими и жесткими ударами беспощадной логики разбивал он идеологически положения противника. Те кто знали его еще по Праге, рассказывали, что, при случае, Николай Митрофанович умел бить врага не менее меткими и беспощадными, чем его логика, ударами кулака.

Фигура доктора Сергеева — не буду спорить — мало соответствовала шаблонному представлению о поэте — непременно рассеянном и чувствительном мечтателе.

Это не мешало тому, что Сергеев обладал подлинным поэтическим талантом, черпающим свое вдохновение в преданиях глубокой древности и видениях средневековья.

Но поэзия Сергеева не отступление от времени, а, наоборот, интенсивное восприятие его. Эта поэзия носит глубокий отпечаток эпохи, трагической и героической эпохи, той, которую предсказывал еще Ницше в своем гениальном бреду; и вечные образы алхимика, рыцаря или монаха рождены переживаниями в плане национальной трагедии.

Родственное Гумилеву этическое мировоззрение является истоком «поэтического и философского завещания» — длинной поэмы «Викинги», воспевающей отчеканенным, мужественным гумилевским стихом силу воли, отвагу и подвиг завоевателей.

Энергия, напряжение в борьбе мускулов и воли человека, — вот что составляет богатство жизни и ее приобщение к космической красоте:

«И подвиг и жертва тебя привлекают,
Упорство молчанья синеющих губ
И звезды тебе так приветно сверкают
Лишь сказки слепых, — что мир беден и скуп!».

Самое на вид неактуальное творчество отвечает, подчас, самой жгучей актуальности.

Помню, как-то поздно вечером, в своей маленькой, плавающей в табачном дыму, комнатке на четвертом этаже Николай Митрофанович вытащил одну из своих мелко исписанных стихами тетрадок и прочитал мне —как он любил изредка читать друзьям наедине — стихотворение «Гунны», красочное видение кочевых кибиток, взмыленных коней и воинственных всадников. «Навеяно мне нашим степным атавизмом», — лукаво сощурил он глаза, давая понять, что ему было известно мое о нем первое впечатление.

И закурив новую папиросу, ибо был он страстным курильщиком, гордо усмехнулся: «Хоть и скифы мы, а куда культурнее, куда достойнее, куда человечнее, чем эта варварская Европа!».

Не даром поэзия Сергеева трагична. Вся жизнь его проходит под знаком трагического, — с ранних воспоминаний детства (неизгладимое впечатление оставили на нем революция, гражданская война и разгром Белой армии), — до рокового завершения его революционной карьеры в берлинском подполье.

Личность сильная, с глубоким национально-историческим сознанием, Сергеев инстинктивно ищет выхода из обрушившейся на Россию катастрофы. Выход — в борьбе, потому что без борьбы не может быть победы.

И стремление Сергеева естественно выливаются, сперва в Праге, затем, с

войной, в Берлине, — в политический активизм, в участии в борьбе Национально-Трудового Союза.

Союз — это борьба, а борьба для Сергеева жизненная необходимость, как дышать, пить или есть. Это один из таких людей, что не будь Союза, он создал бы его.

Из углубления своего раннего опыта революции и гражданской войны, Сергеев вынес убеждение, что фронт может держаться в условиях крепкого тыла, что в тотальной борьбе тыл тот же фронт, и он остается в этом тылу — фронте, зная, что именно тут, в Берлине, он может дать максимум своих возможностей для создания третьей силы.

«В 17-ом и 20-ом годах», говорит он, «русские офицеры умели храбро сражаться на фронте и, когда нужно, умели геройски умирать. Но, зачастую, попадая в тыл ,герои фронтовики разлагались. Потому что жить не умели. Не достаточно уметь умирать, — прежде всего нужно уметь жить. В этом и заключается наша задача. От нас требуется в данный момент, прежде чем умирать за Россию, уметь жить — для Нее».

Никакая деятельность не останавливала его.

Несмотря на перегруженность союзной работой и медицинской нагрузкой, Сергеев не отказывается от должности начальника штаба в НОРМ-е, зная какой интерес представляет для «ловца душ» место, куда стекается со всех концов России и Европы, закинутая судьбой — до Берлина, русская молодежь.

Чтобы зажечь эту молодежь, направить ее динамизм на борьбу за Россию, укрепить ее веру в великое будущее нашего народа, доктор Сергеев обращается к русской истории.

Враг как излишней идеализации, так и слепого самобичевания, но верный своему научно-реалистическому подходу к жизни, он принимает национальное прошлое целиком, как оно есть ,со всей его славой и доблестью но и со всеми темными и порочными сторонами. С особым вниманием останавливается он на революционных движениях прошлого века, над вековым разладом между властью и стремлениями общества.

«Встав на путь Национальной Революции, мы не имеем права пренебрегать вековым опытом революционной России», учит он. «Но мы должны избежать политической безнравственности, беспринципности средств используемых для достижения цели, анархичной разрушительности революции для революции, чтобы сохранить «Революцию для России».

Его привлекают крупные волевые широкие и цельные натуры мятежников. Это восходящий на плаху декабрист, полковник Пестель, это, мечущаяся ураганом по Европе, сила природы, скиф Бакунин, это отстреливающийся последними патронами Нечаев, это студент-метальщик, несмотря на мольбы матери, отказывающийся просить помилования после убийства Александра II.

Сколько энергии, сколько таланта, погибших для России! Но какой размах и сила русского духа.

Сергеев верит, что народ, преодолевший татарское иго и наполеоновское нашествие, изживший смутное время и смертельный яд революции, являющий свою мощь и одаренность даже в самых тяжелых и беспросветных моментах своего бытия, — этот народ не допустит, чтобы Россия стала безликим «Остраумом», а население ее «навозом для германской расы».

В 1942 году, в разгар наступления на востоке, Сергеев любит доказывать немцам превосходство русской культуры над немецкой («разлагаю я их» шутит он) и преступную абсурдность уничтожения России, «которую вам все равно не уничтожить!».

Не из таких Сергеев, чтобы преклонить перед врагом голову или согнуть спину.

А когда умирал в далеком концлагере Заксенхаузена, думаю, если бы и мог, прося помилования, облегчить свою участь, не попросил бы.

И должно быть дерзкая усмешка не покидала до последнего мгновения его гордого, скифского лица, ибо знал он, что смерть — победа и что ожесточение его палачей — лишь признание их бессилия перед тем, что не дано им было ни понять, ни покорить, ни уничтожить . . .

Б. Алексеев

ХРОНИКА

18 ИЮЛЯ

* Государственный секретарь Ачесон сказал на пресс-конференции, что он намерен предложить Конгрессу обстоятельный план новой политики США на Дальнем Востоке.

* Коммунисты развернули большое наступление в провинции Хунань и Шаньси (южный Китай), фронтом в 800 километров.

* Чан Кай-ши стал во главе Чрезвычайного Совета, имеющего возглавить борьбу национального Китая против коммунистов.

* В Польше продолжалась волна массового паломничества к статуе «плачущей Мадонны» в Люблине. Полиция пыталась силой этому воспрепятствовать. Были убитые и раненые.

* В Вашингтоне стало известно, что главным предметом чрезвычайного совещания у президента Трумэна по вопросам атомного вооружения, был вопрос о сотрудничестве в этом направлении США, Канады и Англии.

19 ИЮЛЯ

* Сталин принял нового английского посла в Москве, сэра Давида Келли.

* Министр иностранных дел Бевин получил отпуск по болезни. Его обязанности взял на себя Эттли.

* Чехословацкое правительство предупредило католических священников, что они понесут самую суровую кару, в случае применения ими Папского постановления об отлучении от церкви всех членов компартии и лиц, ее поддерживающих или разделяющих ее взгляды. Священники заявили, что они остаются верными своему епископу, Иосифу Берану, и отказываются поддерживать прокоммунистические католические комитеты действия, даже если им будут угрожать за это репрессии.

* Коменданты западных секторов Берлина заявили протест Советской администрации, по поводу того, что обещания, данные ею железнодоржникам остались невыполненными. Берлинские железнодорожные рабочие и служащие угрожают новой стачкой.

* Президент Трумэн выступил в Чикаго с большой речью за ратификацию Атлантического Пакта и против сокращения американской помощи Европе.

20 ИЮЛЯ

* Советское правительство предъявило Италии ноту протеста, в которой утверждается, что присоединение Италии к Атлантическому Пакту является нарушением ею мирного договора. О том же посланы ноты правительствам США, Англии и Франции.

* Военное министерство Национального правительства Китая опубликовало официальное коммюнике об участии советских военных специалистов и целых воинских частей в операциях коммунистической армии.

* Китайский Парламент обратился с просьбой о помощи к Конгрессу США и Парламенту Англии.

* Жителям Кантона предложено покинуть город в виду предстоящих военных операций.

* В Австралии потери от стачки углекопов выражаются в таких величинах: 600 тыс. человек остались без работы, потеряно 70 млн. трудочасов, недобыто 1 миллион тонн угля, 80 тыс. тонн стали, 64 тыс. тонн чугуна.

* Достигнуто соглашение между католическими церквами и правительством Тито. Архиепископ Степиноц освобожден от дальнейшего отбытия наказания.

* Коларов избран председателем совета министров Болгарии.

21 ИЮЛЯ

* В ряде больших городов восточной Германии на стенках домов появились буквы „F“ (Freiheit), напоминающее движение сопротивления в оккупированной Франции, во время войны.

* Итальянская Палата Представителей ратифицировала Атлантический Пакт большинством 323 голосов против 160 (коммунистов). Пакт ратифицирован уже Англией, Бельгией, Канадой, Данией, Исландией, Люксембургом, Норвегией и Италией. Предстоит ратификация его США, Францией, Португалией, Нидерландами.

* Тито планирует создание Антикоминформа. К участию в нем привлекаются «Национал-коммунисты» из стран сателлитов, Это должен быть «Интернационал истинных народных демократов», как проектируют его основатели.

* В Палате Общин министр Бевин отстаивал необходимость демонтажей в Германии.

ПОСЕВ
№ 31
31 июля
1949 г.

В. Марков

ПОЧТИ РЕЦЕНЗИЯ

Перед нами брошюра А. М. Лейтеса, действительного члена «Всесоюзного Общества по Распространению Политических и Научных Знаний», под названием «Литература современного американского империализма», изданная «Правдой» (Москва 1947 г.) и представляющая собой стенограмму лекции, прочитанной автором в московском лектории (тираж 100 тыс. экз.).

Брошюра эта сама по себе не заслуживала бы внимания ,если бы она не была типичным образчиком сегодняшней официальной советской установки в этом вопросе. Впрочем, официальную точку зрения легко себе представить, и она тоже не заслуживала бы внимания, если бы не одно обстоятельство: современная американская литература почти неизвестна русским как «по ту сторону» (так как им не дают интересоваться окружающим миром), так и «по эту сторону» (потому что они этим миром не интересуются).

Схема Лейтеса крайне проста. На 24 страницах доказывается, что современная литература Америки (которую автор, кстати, по советской привычке, не отделяет от прессы, книгоиздательства и книжной торговли) — является пропагандистской машиной американского империализма, стремящегося к завоеванию всего мира. С этой целью капиталисты в миллионных тиражах распространяют во всех концах света «реакционные журналы», «псевдопроблемное чтиво» и книги, заражающие читателя «идейками и настроениями», выгодными милитаристским кругам. Экспансия подготовляется открыто, беззастенчиво и цинично. Борьба с фашизмом вышла из моды и основной удар теперь направлен против цитадели демократии — СССР и передовых людей Запада, которых беспощадно преследуют. В американской литературе наблюдается понижение художественного уровня. Бульварщина захлестывает подлинное искусство. С классикой поступают издевательски, приспособляя ее к вкусу буржуа и подносят под всевозможными непочтенными соусами. Загнивание и пошлость царят в литературе (О'Нейль), часть писателей сеют страх и неуверенность. Чтобы отвлечь читателя от волнующих вопросов современности, его забрасывают порнографией (Генри Миллер). Даже талантливые писатели (Колдуэл, Стейнбек) перешли на позиции антигуманизма и воспевают зоологические инстинкты. Но тем не менее подлинно передовые писатели пробивают себе дорогу в этих невыносимых условиях. Это— друзья Советского Союза, представители пролетарской литературы, следующей традициям великого Драйзера. Кроме того, много сотен тысяч американских читателей с особым интересом и вниманием прислушиваются к голосу советской литературы, освещающей путь дальнейшему развитию всей мировой культуры. Советская литература — это совесть человечества и в ней слышится голос истории.

* * *

Под этим кратким изложением содержания брошюры сам Лейтес мог бы подписаться со спокойной совестью, так как оно состоит почти сплошь из его цитат. Опровергать написанное Лейтесом — дело легкое и мало интересное. Задав крыловский вопрос: «не лучше ль на себя, кума, оборотиться?», — можно было бы указать на империалистские тенденции в советской прессе и литературе, напомнить, что друзья СССР имеют в Америке возможность печатать и выпускать свои прокоммунистические книги, и если не всегда за их издание возьмется крупное издательство, пока «Рэндом Хаус» или Скрибнер (большею частью из-за низкого качества), то всегда существует возможность издать их в той же Америке на советские деньги. Но, повторяем, это легко и мало интересно. Это даже набило оскомину.

Гораздо интереснее присмотреться к приемам Лейтеса, к тому как он передвигает факты, как грешит против основного правила суда совести — «говорить только правду и всю правду». Особенно последнее. Как только попробуешь выяснить всю правду, — все выводы Лейтеса становятся весьма сомнительными. Например, Синклера Льюиса весьма удивило бы, что автор брошюры считает его «своим», как его всегда удивляло, что европейцы считают его противником американского уклада жизни. Льюис —критик и сатирик по натуре, не очень большой глубины, не очень большой художественной силы, но острый, злободневный и смелый. В любой литературе — кроме советской — наряду с писателями упадочническими и ярыми защитниками существующего порядка есть также и критики. Это нормальное явление нормального организма. Такую функцию исполняет С. Льюис: он указывает стране на ее язвы, и наверно, ему ни на минуту не приходит в голову, что его может ожидать судьба Зощенко. Напрасно также пытается Лейтес опереться на Эптона Синклера, когда-то, действительно, неутомимого «разоблачителя капитализма» .Последние романы Синклера о Лэнни Бэдде (которые Лейтес считает «разоблачением американской реакции») — это авантюрные романы, рассчитанные на успех у широкой публики и пользующиеся политикой только для фона и интриги. Они так же «разоблачающи», как романы Дюма. Кроме того, С. Льюис и Э. Синклер — уже пережившие себя литературные фигуры, не отражающие живых тенденций современной американской литературы.

Миф о Драйзере, именем которого чаще всего прикрываются коммунисты, сродни советскому мифу о Горьком. В творчестве Драйзера коммунизма столько же, сколько у Золя. Он почти всю жизнь утверждал, что искусство должно быть независимо от идеологии и противился не только коммунизму, но и социализму. Под старость он дал втянуть себя в компартию, а под конец жизни впал в мистицизм. Пролетарская литература Америки, выводящая себя из Драйзера, — безотрадное зрелище. Ни одного значительного имени в ней нет. Более остальных известен Гауэрд Фэст — не столько своими романами, фальсифицирующими американскую историю, сколько очень темной историей с деньгами, собранными на поддержку испанских антифашистов. Лейтес приводит арест Фэста как пример преследования «передовых» писателей но о причинах преследования по вполне понятным мотивам умалчивает. Таким же передергиванием фактов является упоминание о преследовании актеров Холливуда за то, что они снимались в просоветских фильмах. Вот пример. Знаменитая актриса Катерина Хапберн, известная своими «красными» настроениями, снималась недавно в фильме «Любовь Клары Шуман». Когда фильм появился на экранах, то публика не посещала его. Можно ли это назвать преследованием? Антикоммунистические американцы бойкотируют популярную до этого актрису хотя в фильме нет никакой политической тенденции. Вряд ли это было сделано по принуждению империалистов, так как не в их власти заставить людей насильно ходить или не ходить в кино. Это, кажется, не осуществлено еще даже в СССР.

Очень неудачен пример с Генри Миллером, «порнографические» романы которого запрещены в США и издаются только во Франции. В американской прессе часто встречаются сообщения об изъятии из продажи книг очень крупных писателей из-за наличия «рискованных» с точки зрения властей мест. Особенно часты такие случаи на «реакционном» юге. Упрекать пуританского среднего американца в недостатке нравственности — очень неумная и неловкая клевета. Неплохо было бы также Лейтесу знать разницу между порнографией с одной стороны и разработкой проблемы пола, а также натурализмом, с другой. Последние отражают стремление человека к правде, попытку проникнуть ещё глубже в самого себя и еще правдивее изобразить окружающую действительность. Одно занимало не малое место хотя бы в творчестве Толстого, от другого не свободны Шолохов и другие видные советские писатели.

Цитаты Лейтеса из Хэмингуэя мало убедительны, туманны и производят впечатление выхваченных из контекста. Настоящее отношение Хэмингуэя к современности и к Советскому Союзу лучше было бы продемонстрировать на его

последнем романе «По ком звонит колокол». Но вряд ли на это Лейтес решится.

* * *

Можно бы было еще указать на примитивный подход Лейтеса к поздним драмам О'Нейла и на сомнительность его утверждений что, читая советских авторов, американский читатель чувствует, как перед ним «открываются новые судьбы человечества», — но и вышесказанного достаточно, чтобы показать его «литературоведческие» приемы. Но основная его нечестность не в этом. Ставя ударение на несуществующие империалистические тенденции и выпячивая «передовую» литературу друзей СССР, он почти ни одним словом не упоминает о настоящей американской литературе, за которой уже в течение 20-ти лет с таким напряжением следит весь мир. Если уж товарищ Лейтес имел доступ к запретным полкам библиотеки имени Ленина, то он должен был знать следующее:

В 30-ые годы в Америке возникает новая литература. За одно дисятилетие она пробивается на первое место в мире. Лучшие произведения европейцев, за тот же период кажутся в сравнении с ней лишь прекрасной мозаикой из чего-то уже слышанного. С американской прозой в мировой литературе начинает звучать новый голос — сильнее остальных, может быть потому что он моложе чище. Лучший прозаик наших дней — американец Эрнест Хэмингуэй, патриархом мировой драматургии после смерти Герхардта Гауптмана остался американец О'Нейл, ведущим драматургом последнего поколения является американец Горнтон Уайлдер и, наконец, крупнейшим поэтом XX века признан Томас Элиот, американец, эмигрировавший в 20-х годах в Англию.

Эта литература расцвела с поразительной быстротой и неожиданно для всех. За одно десятилетие были созданы такие делающие эпоху произведения, как «Прощай, оружие» и «По ком звонит колокол» Хэмингуэя, южная эпопея Фолькнера, «Взгляни домой, ангел» и «О времени и о реке» Томаса Вульфа, трилогия Дос Пассоса «США». рассказы Сарояна, «Гроздья гнева» и новеллы Стейнбека, трилогия «Лониган» Джемса Фаррела, «Развеянные ветром» Митчел, «Электра» О'Нейла, «Наш городок» и «Мы еще раз спаслись» Уайлдера, «Добрая земля» Перль Бак и романы о южных бедняках Колдуэла. Здесь можно найти и психологическое проникновение, и широкую социальную критику, и трагизм, и веру в человека, и глубину религиозных проблем, и огромные эпические полотна, и смелые формальные новшества.

За этой литературой большое будущее и нет пока признаков, что дряхлая Европа сможет выставить ей достойного конкурента. В советской литературе, приняв во внимание всю ее «специфику», не найти даже в потенции хоть одного прозаика, могущего по силе таланта равняться с Хэмингуэем, Фолькнером и Вульфом.

* * *

Но есть моменты, когда с Лейтесом поневоле соглашаешься. Например, когда он пишет о превращении искусства в «бизнес», об «омнибуках» и «дайджестах», когда он говорит: «не случайно имена талантливых писателей Америки пользуются гораздо большей популярностью за пределами США». В этом есть большая доля правды, которая остается, если даже прибавить, что многие советские писатели и композиторы (и как раз из наиболее талантливых) тоже популярнее за границей, чем у себя дома. Лейтес затронул большую и интересную тему. В самом деле: почему Хэмингуэя больше читают в Европе? Почему так отрицательно относились к Америке именитые европейцы, посетившие ее — от Диккенса до Гамсуна? Когда-то немецкий политик Вальтер Ратенау писал: «У Америки нет души, да она ее и не заслуживает, пока не будет готова нырнуть в бездну человеческого страдания и греха». Это было справедливо до 30-тых гг. (если не считать одиноких пессимистов XIX века Мельвиля, Хосорна и Эдгарда По), так как в течение двух столетий в Америке укреплялся плоский и обязательный оптимизм делового человека. Но теперь уже один тот факт, что творчество всех крупных поэтов и прозаиков Америки исполнено глубоким, неподдельным и часто бессознательным трагизмом, является залогом того, что лучшая часть страны уже нырнула «в бездну человеческого страдания и греха» и начинает обретать душу. Америка теперь — не только классическая страна бокса, джаза и «хэппи-энда». Да и незачем упрекать одну Америку. XX век сделал искусство товаром и средством развлечения. Это финал долгого и всеобщего процесса, связанного с выходом на духовную арену массы, желающей художественного «ширпотреба». В Европе это происходило не в такой острой форме только потому, что цивилизация XX в. выросла в ней на обломках тысячелетних культурных традиций (чего нет в Америке). Если в Акрополе устроить боксерский ринг, он издали все равно будет выглядеть старым Акрополем. В СССР это тоже менее заметно, так как там о вкусе массы вообще не заботятся и дают ей то, что считают нужным. Но если выключить пропагандный нажим и дать кинофабрикам СССР работать по собственному усмотрению (представим хоть на минуту такую несбыточную пока картину), то зрелище будет в этом отношении не менее безотрадное, чем в Америке. Вспомним, что в свое время, когда продукция Холивуда почти беспрепятственно проникала в СССР, публика, конечно, предпочитала ее всем замечательным открытиям Эйзенштейна и Довженко. Диктат массы в искусстве — болезнь нашей эпохи и не связана ни с какими идеологиями.

Но настоящее искусство никогда не имело дела с широкой массой, оно обращалось всегда к избранной части своего народа и всего человечества. При любых условиях у Дунаевского было бы больше поклонников, чем у Шостаковича. Но тем не менее, искусство своих позиций не сдает, оно всегда доступно каждому, кто может и хочет подняться над уровнем вкуса масс. «Немногие спасут мир» — сказал недавно Андрэ Жид. В этом наша большая надежда.

История одного возвращения

В 30-х годах на страницах ведущих советских литературных журналов появилась неизвестная в писательских кругах фамилия — Мирский. Мирский семимильными шагами шел в гору. Очень скоро он стал модным, признанным, авторитетным и ведущим. Его многочисленные статьи появляются в «Литературном кружке», он неизменный участник таких крупных литературно-научных изданий, как «Литературная Энциклопедия», где печатают его большую статью о реализме. Редакция «Литературного наследства» широко раскрывает свои страницы для монографических работ Мирского.

Что обусловило успех этого критика?

Безусловно, известную роль сыграла его талантливость, творческая плодовитость, культура и образование, но самое главное Мирский был креатурой всесильного в то время в литературных кругах Максима Горького. М. Горький в бытность свою за границей познакомился с эмигрантом князем Святополк-Мирским. Святополк-Мирский был левых взглядов и, как говорили, сотрудничал в английской коммунистической прессе. Честолюбие , желание работать в крупных масштабах и развернуть свои духовные силы, неискоренимая прекрасная и одновременно трагическая тяга на родную землю, коварно-лживая иллюзия о социалистическом рае в СССР, с одной стороны, и уговоры, протекция с другой, привели Святополк-Мирского, а теперь просто Мирского, в ряды ведущих литературных критиков советской литературы.

Мирский работает для новых своих хозяев не за страх, а за совесть. Особенно прославилась его статья о Пушкине, напечатанная в «Литературном Наследстве» и вызвавшая большую дискуссию. Это было в месяцы подготовки к пышному пушкинскому юбилею 1937 года — столетию со дня смерти. В своей работе Мирский утверждал, что Пушкин во второй половине своей деятельности стал холопом Николая I.

Вольнодумство, оппозиция, прогрессивные устремления в прошлом, — писал критик, — самодержавие сломало Пушкина и певец свободы стал образцовым верноподданным бардом самодержавной великой России, национализма и монархии. Основанием для такого тезиса явились близкие отношения Пушкина с двором и придворными кругами и стихотворения: «В надежде славы и добра», «Нет, я не льстец», «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

С точки зрения марксизма тезис был блестящий: дворянин, помещик, крепостник — пусть и гениальный — неминуемо таким и останется. Его бунт — это небольшая, временная ссора в дворянском семействе, в которое он, раньше или позже, умиротворенный, все равно вернется. Законов классового родства не преодолеть.

Хозяева Мирского были немно-

го шокированы грубой прямолинейностью его выводов, «обнаженным» применением марксистского метода, и это дало возможность развернуть дискуссию. Ряд видных пушкинистов, которых покоробил примитивный социологизм Мирского, в осторожной форме развернули наступление на выдвинутые утверждения в защиту Пушкина. Тенденциозность, вульгарность и негибкость анализа Мирского были ясны каждому, но нужно было защищать Пушкина, минуя рифы марксизма, утверждавшие классовую природу писателя по схеме: помещик угнетает, капиталист эксплоатирует, пролетариат борется, а писатель обслуживает породивший его класс.

Трагедия Пушкина во второй половине его жизни заключалась в том, что силой обстоятельств втянутый в сферу придворной жизни, в окружение Николая I, он был принужден лавировать. Кроме того, после Михайловской ссылки Пушкин стал более вдумчивым и зрелым, он искал глубоких, реальных средств для возрождения России. Что имеет это общего с холопством и обскурантизмом?

Парадоксально, но ренегата преследует мания во всем видеть ренегатство, так было и у Мирского в его оценке пушкинской жизни и творчества после 1825 года. Мирский хотел быть «рыцарем без упрека», носоветская власть неизменно придерживается принципа «мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Наступает ежовщина, и Мирский бесследно исчезает. В «Литературной Газете» в эти месяцы «чертовой карусели» появилася последняя большая статья Мирского с критикой творчества Фадеева — теперешнего вождя советской литературы. На этой статье Мирский и поскользнулся. Ему инкриминировали литературные интриги и склоку, что он «рупор и рука», подставное лицо для диверсии в художественной литературе группы Леопольда Авербаха, «этой троцкистской агентуры в советской литературе», и кн. Святополк-Мирского не стало. Так печально закончилось возвращение к родным пенатам. Да, хороши

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил
золотые,
Не зная горестей и бед.

Но во имя одного этого нельзя стать изменником и ренегатом.

Всеволод Горелов

СКОТСКИЙ ХУТОР

ДЖОРДЖ ОРВЕЛЛ

(24-ое продолжение)

Как раз после того как овцы вернулись, в один приятный вечер, когда животные закончили работу и брели назад к службам, со двора послышалось испуганное ржание лошади. Пораженные, животные остановились как вкопанные. Это был голос Кашки. Она снова заржала, и животные пустились в галоп и примчались на двор. Тут они увидели то, что видела Кашка. Это была свинья, ходившая на задних ногах.

Да, это был Фискал. Немного неуклюже, как будто не совсем еще привыкнув поддерживать свою громоздкую тушу в таком положении, но великолепно соблюдая равновесие, он прогуливался по двору. А мгновение спустя из дверей дома показалась длинная вереница свиней — все на задних ногах. У одних это выходило лучше, чем у других, две-три даже чуть-чуть пошатывались, и у них был такой вид, точно они нуждались в поддержке палки, но все благополучно обошли двор. Затем раздалось оглушительное лаянье псов и пронзительное кукарекание черного петушка, и показался сам Наполеон: величественно выпрямившись, он бросал по сторонам высокомерные взгляды, а его псы скакали вокруг него. го.

В ножке он нес хлыст.

Воцарилась мертвая тишина. Изумленные, перепуганные, сбившись в кучку, животные наблюдали за тем, как длинная вереница свиней обходила двор. Как будто весь мир перевернулся вверх дном. Потом наступил момент, когда первое потрясение улеглось и когда — наперекор страху перед собаками и развившейся в течение долгих лет привычке никогда не жаловаться и никогда не критиковать — они способны были запротестовать. Но как раз в этот момент, как бы по сигналу, все овцы оглушительно заблеяли:

«Четыре ноги — хорошо, две ноги — лучше! Четыре ноги — хорошо, две ноги — лучше! Четыре ноги — хорошо, две ноги — лучше!».

Это продолжалось пять минут без перерыва. А к тому времени, как овцы замолкли, возможность протестовать была упущена, ибо свиньи уже промаршировали назад в дом.

Вениамин почувствовал, что кто-то тычется ему мордой в плечо. Он оглянулся. Это была Кашка. Старые глаза ее казались еще более тусклыми. Не говоря ни слова, она тихонько потянула его за гриву и повела его кругом к большому сараю, где были начертаны Семь Заповедей. Минуту или две они стояли, глазея на осмоленную стену и белые буквы.

— Зрение изменяет мне, — сказала Кашка наконец. — Даже в молодости я не могла прочесть того, что там написано. Но мне кажется, что стена имеет иной вид. Скажи, Вениамин, Семь Заповедей те же, что всегда?

На один раз Вениамин согласился нарушить свое правило и прочел вслух то, что было написано на стене. Там была теперь всего одна заповедь. Она гласила:

«ВСЕ ЖИВОТНЫЕ РАВНЫ, НО НЕКОТОРЫЕ ЖИВОТНЫЕ РАВНЕЕ ДРУГИХ»

После этого не было уже ничего странного в том, что на следующий день свиньи, надзиравшие за работой на ферме, все держали в ножках хлысты. Не показалось странным и то, что свиньи купили себе радио, собирались провести телефон и подписались на еженедельник «Джон Булль» и «Болтовня» и на газету «Зеркало Дня». Не показалось странным и то, что Наполеон стал прогуливаться в саду при ферме с трубкой в зубах, ни даже то, что свиньи вытащили из шкафов и напялили на себя одежду фермера Джонса, приче сам Наполеон предстал в черном пиджаке, рейтузах и кожаных крагах, а его любимая самка появилась в муаровом платье, которое г-жа Джонс носила по воскресеньям.

Перевод М. Критер и Г. Струве
(Окончание следует)

Copyright by „Possev".

Вячеслав Иванов

(1866 — 1949)

16 июля с. г., на 84-ом году жизни в Риме скончался большой русский поэт Вячеслав Иванович Иванов.

В кратком некрологе о поэте, которого большевизм лишил возможности земные останки свои на родине положить, рядом с нашими великими писателями, нельзя дать даже скудную оценку его богатого творчества. В родной поэзии навсегда останутся звучные стихи его, напечатанные в сборнике «Кормчие Звезды», С. П. Б. 1903 г., «Прозрачность», Москва 1904 г., «Cor Ardens», Москва 1911 г., «Нежные Тайны», С. П. Б. 1912 г., «Младенчество», Петроград 1918 г., а его исследования философского характера, его труды о Ф. М. Достоевском, его сборник статей «Надзвездное», С. П. Б. 1909 г., «Родное и Вселенское», Москва 1918 г., будут предметом изучения на нашей, верим, освобожденной родине.

Гнет большевизма не мог создать ему творческой обстановки: вернувшись на родину после 2-х лет (1921-23 г.г.) преподавания в Бакинском университете, покойный поэт покидает навсегда в 1924 году Россию, только что сменившую родное имя на СССР и проводит последние 25 лет жизни в Италии, где его творчество вдохновляется красотами вечного города, как 100 лет тому назад — творчество Н. В. Гоголя и его гениального однофамильца-ходужника.

Его труды в Риме много дали родной литературе и философии; не будем о них говорить у его еще свежей могилы.

Но хотелось бы, чтобы знали мы все «в рассеянии сущие», что почивший до конца принадлежал своим духом вечной России, той, которую в сердце своем носит каждый из нас. Он свидетельствовал в своем лице, своими трудами перед почитавшими его иностранцами о даровитости руского гения.

Алексей Шаванцев

ПУШКИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ

Со всех концов мира—из Франции, Англии, США, Канады. Аргентины, Австралии — из всех больших и малых пунктов рассеяния нашей эмитрации приходят сообщения о праздновании 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина.

В таких крупных центрах эмиграции как Париж, Нью-Иорк, Мюнхен пушкинские торжества были отмечены многлюдными собраниями, интересными докладами, концертами, вечерами. Но не только в этих центрах, а и во многих других празднества заняли несколько дней.

Вот что пишут нам, например, из Торонто (Канада):

«Пушкинский юбилейный комитет при русской православной церкви отметил 150-летие со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина. Были устроены и успешно проведены три пушкинских вечера.

Первый пушкинский вечер, 21 мая, в церковном зале был проведен вечер на английском языке. Юбилейный комитет сделал такой вечер потому, что в местном университете есть немало студентов, изучающих русский язык и русскую литературу. Руководил вечером священник Гордон. На втором вечере, 28 мая, содержательный доклад о творчестве Пушкина сделал Б. А. Еглевский.

При переполненном зале прошел и третий пушкинский вечер, 12 июня, на котором с большим, интересным докладом выступил В. Е. Огородников. С большим успехом прошли выступления Оль-

(Окончание на стр. 16)

Григорий Климов

В БЕРЛИНСКОМ КРЕМЛЕ

(Главы из книги)

Песнь победителя

(9 продолжение)

Каждый москвич знает памятник Минину и Пожарскому. Долгие годы стоят бронзовые русские патриоты на Красной Площади у стен Кремля. Их моют хмурые осенние дожди, колючим снегом чешут им бороды суровые декабрьские ветра, теплым дыханием ласкает весеннее солнце. Так проходят над ними годы, как облака в небе. Рождаются, чтобы умереть любя. Приходят и уходят, как осенняя паутина под ветром, цари и правители за кремлевской стеной. Все приходит и уходит, а бронзовые великаны все стоят на своем старом месте. Много видели они на своем веку. Московские старухи, украдкой крестят, шопотом передают из уст в уста, что иногда бронзовые великаны опускают свои тяжелые ресницы и закрывают свои хладные очи, чтобы не видеть того, что творится кругом.

Но вот однажды, только один единственный раз за все долгие годы, бронзовые великаны вздохнули полной грудью, встали во весь свой рост, расправили богатырские плечи, посмотрели в глаза друг другу, крепко обнялись и поцеловались. Старухи клянутся, что плакала тогда холодная бронза. Стон прошел тогда по Красной площади. Плакали слезами бездушные камни. Плакали слезами радости камни и мы — люди земли русской.

Этому я верю сам и это подтвердит вам каждый русский человек, бывший в Москве в то солнечное утро Девятого Мая тысяча девятьсот сорок пятого года.

Уже несколько дней до этого по Москве ползли неопределенные слухи о каких-то секретных переговорах между союзниками и представителями германского командования. Никто ничего толком не знал, но напряжение ещ е больше усилилось, атмосфера ожидания накалилась до предела.

В Советском Союзе так и не были оглашены истинные обстоятельства капитуляции. Капитуляция Германии произошла в штаб-квартире генерала Эйзенховера, в маленьком школьном домике вблизи Реймса, во Франции, 7 мая 1945 года в 14 ч. 41 м. по средне-европейскому времени. Капитуляция была подписана со стороны Германии — начальником германского штаба генерал-полковником Иодль, со стороны союзников — начальником штаба генерала Эйзенховера генерал-лейтенантом Смит и со стороны Советского Союза — генералом Суслопаровым. Окончательный текст капитуляции был подписан 8 мая в 12 ч. 01 м. по средне-европейскому времени в пригороде Берлина — Карлсхорсте. Тогда же было официально объявлено окапитуляции. В Советском Союзе о капитуляции было объявлено в обращении Сталина по радио в ночь на 9-го мая.

Утром 9-го мая я проснулся от землетрясения. Кто-то, как сумасшедший, тряс меня за плечи. В широко раскрытых ликующих глазах лйтенанта Белявского я прочел без слов все. Разве это можно сказать? Это можно только чувствовать. Нужно пережить и перечувствовать все те долгие годы войны, чтобы понять этот день.

С лихорадочной поспешностью я оделся. Дрожащими неслушающимися пальцами застегнул пуговицы кителя. Белявский торопит меня. Я тоже тороплюсь, сам не зная куда. Нужно почистить сапоги. В такой день сапоги должны сиять, как солнце. Пристегнуть свежий воротничок, полой шинели навести последний блеск на пуговицы. Никогда у меня не было такой внутренней потребности к блеску военной формы, как в этот день. Машинально захлестнул под погон ремень портупеи. Ремень и портупея носятся поверх кителя только на параде и в карауле. Но разве сегодня не парад? Пусть попробует кто-нибудь указать мне сегодня на нарушение формы. Теперь бежим! Туда, где люди, где радость, где торжество и ликование.

Когда мы быстрым шагом заходим в ворота Академии, часовой в проходной козыряет нам особенно лихо и улыбается, как будто мы знаем одну и ту же тайну.

Академия гудит, как взбудораженный улей. Все слушатели выстроены пофакультетно на плацу для слушания приказа Верховного Главнокомандующего. Горит солнце в небе. Горят орденами шеренги офицеров, замерших по команде «Равнение на знамя»! Звучат трубы горнистов. Полощется по ветру красный шелк с золотыми кистями. Начальник Академии зачитывает приказ Сталина, подводящий черту под четыре года героической борьбы русского народа против гитлеровской Германии. Затем к слушателям обращается начальник западного факультета полковник Яхно. Но все эти слова звучат слишком слабо. Они не могут выразить все величие момента, к которому мы шли так долго, такой дорогой ценой.

Хочется скорее вырваться наружу, в гущу народа, туда где пенится через край радость победы. С группой офицеров, даже не позавтракав, я тороплюсь в центр Москвы.

По пути мы заскакиваем в «американку», где можно выпить стоя. Заказываем по кружке пива. По случаю такого дня можно раскошелиться. С недавнего времени в Москве появилось пиво по 16 рублей кружка. Дневное жалование офицера за пол-литра пива. У некоторых из нашей компании нет в кармане даже на пиво, выручают товарищи.

— На фронте лучше, чем в тылу, — говорит один, посыпая пиво солью и рассматривая поднимающиеся со дна пузырьки. — Там хоть выпить есть что.

— Ничего. Скоро все будет, — утешает другой. — Видишь — уже пиво появилось. Через пару месяцев так заживем — как в сказке. Не даром воевали! Теперь подожди — увидишь что будет . . .

В его голосе звучит непоколебимая уверенность в какое-то близкое чудо. Как будто он знает, что для него приготовлен подарок, но пока об этом нельзя говорить. Если кто-нибудь усомнится сейчас в его словах, то он прямо в глаза обвинит его в измене. Какой измене он не знает сам, но будет считать этого человека предателем.

Об этом мало говорится, разве что только обрывками фраз. Об этом не пишется открыто в газетах, но довольно прозрачно намекается. Это загадочное и неуловимое нечто носится в воздухе, мы жадно вдыхаем его полной грудью и оно пьянит нас. Мы не думаем, мы не рассуждаем, мы только чувствуем. Имя этому пьянящему чувству — надежда. Мы надемся на что-то. Это что-то настолько огромно, настолько непостижимо желательно для нас, что мы не решаемся говорить или даже думать об этом. На что надеемся? Трудно сказать. Мы не находим имени этому чувству. Старого не

Copyright by Author.

воротишь, мертвых не воскресишь. Может быть мы радуемся, что снова вернемся к мирной довоенной жизни? Но это мало кого из нас обрадует. Наша первая радость — сегодня мы стоим на рубеже. На рубеже конца самого темного периода нашей жизни и на рубеже начала нового неизвестного периода. И каждый из нас надеется, что этот период, как радуга после бури, будет светлым, солнечным и счастливым. Если спросить — на что мы надеемся, то большинство, пожалуй, выразит свои мысли просто:

— К чорту все то, что было до войны!

А что было до войны, каждый из нас хорошо знает.

*

Я видел много московских праздников и парадов. По улицам маршировали колонны демонстрантов, по тротуарам стояли люди и глазели. В такие праздники больше всего чувствовалось одно — люди хотели бы действительно попраздновать и повеселиться, а не демонстрировать свою преданность, солидарность, свою радость и веселье. От этого уже давно тошнило. Это был обезьяний театр — наигранное веселье, искусственная радость, подстроенные демонстрации, где в самой глубине души, подальше даже от собственного сознания, копошилось чувство фальши. Большинство старалось не думать, что основным стимулом, заставляющим праздновать эти праздники, является подсознательная задняя мысль: «Как бы на заметку не взяли, если не пойдешь!» Лучше не думать об этом, а то еще по выражению лица догадаются. Проще выйти на улицу и поглазеть, сделать вид, что весело.

Сегодня другое дело. Никаких организованных демонстраций нет. Нет даже намека или попытки организовать празднество. Но это абсолютно не нужно. От края и до края, как безбрежное море, улицы Москвы переполнены народом. Люди на тротуарах, люди на мостовых, в окнах, на крышах домов. В центре Москвы улицы настолько переполнены, что не видно разницы между тротуаром и мостовой. От одной линии домов и до другой — равномерный бурлящий человеческий поток, густой как лава, ползущая по склонам вулкана. Беспомощно звучат сирены автомашин, застрявших в толпе и не могущих продвинуться ни на шаг. Все население Москвы устремилось в центр.

Вот группа девушек в светлых весенних костюмах. Они радостны и взволнованы. Они переполнены этой радостью, хотят скорее разделить ее с теми, кому они обязаны своим счастьем.

В руках у девушек цветы. Цветы в военной Москве так же редки, как на Северном полюсе. Букет цветов в руках московской девушки весной 1945 года! Это... Это по европейским масштабам дороже букета черных орхидей или красных роз в январе.

Впереди нас оживленно беседуют несколько офицеров-летчиков. Простые ребята, солдаты воздуха. Один из них в штатском платье, безжизненно повис пустой рукав правой руки. По тому, как сидит на нем гражданский костюм сразу видно, что он недавно выписался из госпиталя. Вся левая сторона пиджака густо усыпана орденами, на самом верху над карманом, где у гражданских людей торчит шелковый платочек, поблескивают две золотые звездочки Героя Советского Союза.

Девушка с сияющими как звезды глазами подбегает к летчикам. Как будто она давно ждала и искала этих людей. С разлета целует одного, целует другого... Крепко целует этих славных парней, которые явно смущены. За что, собственно? Ведь мы такие, как все!

Девушка целует их всех по очереди. Целует крепко и искренне, как сестра любимого брата за дорогой подарок.

Летчик-инвалид неловко прижал левой рукой букет цветов к груди. Нежные лепестки ласкают холодный металл орденов. Девушка особенно ласкова к нему.

Девушка, как бы хотелось и мне поцеловать тебя! За твое благородное сердце, за твою трепетную душу. Поцеловать просто за то, что ты так хорошо умеешь благодарить солдата.

Вот старушка в белом платочке. Она растерянно оглядывается по сторонам, ищет кого-то в кипящей человеческой стихии. Видно она редко бывает на улицах и не привыкла к шуму. Простая русская мать. Редко ласкала рука сына твои седые волосы. Твоим праздником была работа, твоей радостью — твои сыновья. Тысячи таких матерей встречали мы в деревнях, где шел фронт. Мы их так и называли с первого шага через порог: «Мать!». Они без слов засовывали нам кусок хлеба в карман шинели и украдкой крестили нас вслед.

В сторонке у стены дома прислонились двое пожилых солдат в истрепанных фронтовых шинелях. У них небритые заросшие щетиной лица, тощие вещьмешки за плечами. Видно ехали с фронта или на фронт. День победы неожиданно застал их в Москве. Сегодня им некуда торопиться, нечего бояться комендантских патрулей. Они мирно греются на солнце, с недоумением поглядывая чего, собственно, сходят с ума люди. Точно так же, как на перекрестке фронтовых дорог, они покуривают заветную махорочку в газетной бумаге. Что еще надо солдату: в мешке за спиной кусок хлеба, в кармане махорка, а кругом светит солнце.

Старушка в белом платочке мелким старушечьим шагом пробирается сквозь толпу. Она подходит к греющимся на солнце солдатам, о чем-то взволнованно говорит с ними, тянет их за рукав с собой. Солдаты переглядываются. Нельзя отказываться. Ведь она — мать! Сколько сыновей отдала она ради этого солнечного утра? Растила она сыновей, которые будут ей опорой и утехой в старости. А теперь... Не выменяла она заветную бутылку водки на буханку хлеба. Голодно было и холодно. Но бутылка водки была святыней. Ждала сыновей. Убили Колю под Полтавой. Погиб в морском бою Петька-матрос. Долго ждала она. Ждала может быть хоть беспутный Гришка, пропавший без вести, вернется когда-либо домой.

Сегодня сердце старой матери не выдержало и она пошла на улицу искать своих сыновей, пригласить в гости первых попавшихся солдат, поздравить их с победой. Сегодня эти солдаты будут ее сыновьями, вернувшимися домой. Они узнают что такое сердце старухи-матери, о котором они пели свои фронтовые песни. Они раскупорят сегодня заветную бутылку. Они выпьют за то, чтобы была Коле пухом земля под Полтавой. Они выпьют за то, чтобы грели матроса-Петьку холодные балтийские волны. Выпьют и за беспутного Гришку, чтобы не забыл он, если жив, пути к материнскому порогу.

Площадь Коминтерна. У здания американского посольства, между гостиницей «Метрополь» и корпусами московского университета, такое же безбрежное человеческое море, как и везде в центре. Из открытых окон посольства с любопытством выглядывают женщины в непривычно пестрых для Москвы платьях. Щелкают фотоаппараты. Спокойно и молчаливо посольство. Лениво плещется по ветру полосатый звездный флаг. Люди на площади с интересом смотрят вверх. Как будто они ожидают, что сейчас на балконе появится американский посол и скажет им что-то. Толпа ходит кругами вокруг посольства, как вода в омуте. Но посол занят в Кремле. Какое ему дело до этой толпы. Да потом и неприятно дипломатам говорить с народом через голову его правительства.

Медленно, беспрерывно давая сигналы, пробирается консульская машина сквозь человеческое море. Американский офицер в светло кремовых брюках и зеленой лыжной курточке с галстуком пытается пройти к зданию посольства. Если он до этого не знал русского обычая «качать», то был не мало испуган, почувствовав себя подлетающим в воздух. Он стремглав летит в голубое небо, мягко опускается на руки москвичей, снова беспомощно хватает руками воздух. Так над головами людей, подбрасываемый десятками рук, он следует к зданию посольства. Поправляя растре-

анный костюм и держа фуражку в руке, он поднимается о ступенькам здания, растерянно улыбается.

Ласково смотрит сверху солнце на ликующую Москву. Обнимаются и целуются люди на улицах. Незнакомые приглашают в гости незнакомых. Ставь на стол все — не жалей. Трудно было — выстояли. Выстояли и победили. Теперь конец кровавой борьбе, конец всем трудностям и лишениям. Вождь отблагодарит народ за верную службу отчизне. Вождь не забудет!

Каждый веселится, как умеет. В Кремле вожди и вождята хлещут шампанское. Иностранные дипломаты из солидарности налегают на „Vodca Visitor's", воплощение русской души в глазах иностранцев. Большинство же людей на улицах Москвы пьяно радостью и гордостью победы.

(Продолжение следует)

ПУШКИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ

(Окончание со стр. 13)

и и Евгения Еглевских (декламация), Светланы Мезис, Ирины Дубининой (пение), В. Эмунчилла, З. Петровой, В. Могилянского, А. Косачева, А. Вильчик. Заслуженный успех выпал и на долю хора под управлением В. Чуравского».

Везде, где есть русские, чествовалась память русского гения — А. С. Пушкина. **Д.**

»POSSEV»

— Social and Political Review

published under EUCOM Civil Affairs Division Authorization UNDP 217 Publisher: Vladimir Gorachek Hanau. Printer: Limburger Vereinsdruckerei. Limburg/Lahn Published semi-weekly Editorial and Executive office; Business and Circulation department: Verlag „Possev" Limburg/Lahn. Circulation 2000

В МЮНХЕНЕ:

еженедельник «Посев» и «Информационное издание» можно получить:

1. **Русском книжном киоске — Hompeschstr. Трамвайная остановка Sternwartstr.**
2. **Книжном киоске при «Милосердном Самарянине» — Mauerkircherstr. 5.**
3. **Русском книжном киоске — Luitpold-Kaserne (контрольный центр)**
4. **Русском книжном киоске — Passing IRO**
5. **Книжном киоске на — Karl Platz (напротив остановки трамвая номер 6, 7, 8).**
6. **У Синодальной церкви по воскресным дням.**
7. **Книжном киоске в лагере — Feldmoching**

Наш еженедельник «Посев» и «Информационное Издание Посева» в городе ГАННОВЕРЕ можно всегда получить: Möckernstraße 21-27 DP Lager Lyssenko Блок 4а, Комната 97

Наш еженедельник «Посев» и «Информационное Издание» в городе ШТУТТГАРТЕ можно всегда получить:

1. **Zeitungs Kiosk Stuttgart — Charlottenplatz**
2. **Zeitungs Kiosk Stuttgart — Wilhelmsbau**
3. **Zeitungs Kiosk Stuttgart — Ecke Schillerstr./Neckarstr.**
4. **Zeitungshändler — Schlossplatz**
5. **Zeitungskiosk — Am Alten Postplatz**

СРОЧНО ПРОДАЕТСЯ

портативная (дорожная) пишущая машинка с русским шрифтом (старое правописание) фирмы „Corona", в хорошем состоянии. Писать редакции «Посев».

КТО ИЗУЧАЕТ ЯЗЫКИ.

тому необходимо читать на изучаемом языке. Лучше всего для этой цели пользоваться книгами с двойным текстом.

Издательством получено ограниченное количество таких книг — НА ОДНОЙ СТРАНИЦЕ РУССКИЙ ТЕКСТ, А НА ДРУГОЙ — НЕМЕЦКИЙ

1. **Русские сказки и легенды 2.75**
2. **Гоголь. Шинель 3.75**
3. **Пушкин. Метель 3.75**
4. **Чехов. Семь веселых рассказов 3.75**

Limburg/Lahn. Verl. „Possev"

Я жалею, что уехал в Америку

и не успел купить Ваш карманный русско - английский словарь. Здесь без этого, буквально, как без рук. У Вашего представителя здесь их тоже нет. Пожалуйста вышлите поскорее»— пишет нам А. Н. Сербин из Нью-Иорка

В САМОМ ДЕЛЕ

«РУССКО - АНГЛИЙСКИЙ СЛОВАРЬ» А. ПЕЛЬЦЕР

содержит 3.000 самых необходимых слов с произношением. С его помощью Вы можете легко преодолеть трудности первого времени пребывания в стране с английским языком.

ВСЕ ЕДУЩИЕ В США АВСТРАЛИЮ, АНГЛИЮ И КАНАДУ — НЕ ПОВТОРИТЕ ОШИБКИ А. Н. СЕРБИНА И ВЫПИШИТЕ ПОСКОРЕЕ ЭТОТ СЛОВАРЬ

ЦЕНА — 4 НМ

Limburg/Lahn, Verlag „Possev"

ВНИМАНИЕ!

«ПОСЕВ» — надо читать ВСЕГДА и ВЕЗДЕ тому, кто решил, несмотря ни на что, остаться РОССИЯНИНОМ «ПОСЕВ» — всегда и везде АКТУАЛЕН, так как он освещает все проблемы, касающиеся нашей РОДИНЫ и борьбы за ее ОСВОБОЖДЕНИЕ

Уезжающие в далекие заокеанские страны могут подписаться на «ПОСЕВ» еще в Германии, а по прибытии на новое место, сообщить только свой адрес нашему представителю

Не желающие подписаться в Германии, могут сделать это и на месте у нашего представителя к которому советуем обратиться после приезда на новое место жительства

Адрес нашего представителя:

В США:

Mr. E. Stadnikoff, 32-66, 35th Street

Long Island City 3. N.Y.

ПОСЕВ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК общественной и политической мысли

Год издания пятый

Выходит по воскресеньям

Издатель — В. Горачек

Редактор — Е. Романов

Издательство и редакция: Limburg/Lahn Deutshland. Verlag „POSSEV" Tel 605

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, не обязательно выражают мнение редакции. Непринятые рукописи, как правило, не возвращаются. Стихи редакция не печатает. Книги для отзыва следует присылать в трех экземплярах. Перепечатывать, переводить на иностранные языки, использовать в выдержках или иным способом материалы, снабженные „copyright" можно только с разрешения Издательства Остальные материалы могут быть перепечатываемы, но с обязательной ссылкой на источник. Нарушение этого порядка будет преследоваться согласно существующим законам об охране авторских и издательских прав

В этом же издательстве выходят: отдельное, иллюстрированное „ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ" и журнал литературы науки и искусства и общественной мысли „ГРАНИ". Требуйте условия подписки и книжный каталог у представителей или непосредственно из Издательства

Представители Издательства:

В АВСТРАЛИИ:
Mr. D. Kroopin, 24. East Crescent St. Mc. Mahon's Point. Sydney

В АНГЛИИ:
V. V. Baratschevsky, Russian Book Shop. 26. Tottenham Street. London W. 1

В АРГЕНТИНЕ:
G. Knirscha, Pedernera 112 (Flores). Buenos Aires

В БЕЛЬГИИ:
Mr. A. Rosselevitsch, 91 av. Vanderaye, Uccle (Bruxelles)
Mr D. Pietzer, 28 rue Felix Bovie XL Bruxelles
Librairie d'Ixelles, 118 Chausée d'Ixelles, Bruxelles XL

В БРАЗИЛИИ:
N. Nikitin, Bella Cintra 1466 Sao Paulo

В ВЕНЕСУЭЛЕ:
St. A. Kandauroff, San Felipc a Pueblo Nuevo N 26 Caracas Venezuela

В ГРЕЦИИ:
Mr. Georg Mazarakis und Co., Patission Street 9. Athenes

В ДАНИИ:
Herr F. Ladischensky Virum Stationsvej N 136. Virum pr. Lyngby

В КАНАДЕ:
Mr. V. Ogorodnikoff 164, Coxwel Ave Toronto, Ont.

ВО ФРАНЦ. МАРОККО:
A. Parnionoff et A. Zvikevitsch. Cité Bournazel. Route Camp Boulhaut, Casabianca

В НОРВЕГИИ:
Fedor Tarakanow, Krusesgt 5 Oslo

В США:
Mr. E. Stadnikoff, 32-66. 35-th Street, Long Island City 3 N Y.
Mr. S. I. Podgorny, 4902 California Street, San-Francisco 21, California

ВО ФРАНЦИИ:
Filiale „Possev" 1ter. Passage Olivier des serres Paris, 15e
„La Renaissance" 73. Av. des Champs Elysée-Paris 8

В ШВЕЙЦАРИИ:
Leo Grossen. Postfach-Transit Bern